Александр
Тамоников
Солдат, который вернулся
Спецназ ошибок не прощает

Александр Александрович Тамоников

Солдат, который вернулся

Серия «Проект «ЭЛЬБА»»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6678028
Александр Тамоников. Солдат, который вернулся: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70525-2

Аннотация

Во время спецоперации по освобождению заложников антитеррористический отряд «Z» попадает в засаду и несет большие потери: много убитых и раненых. Прапорщику Роману Николаеву повезло – он выжил. Но ранение оказалось настолько серьезным, что ни о какой дальнейшей службе не может быть и речи. Роман покидает отряд и начинает новую, мирную жизнь. Он уже почти свыкается с мыслью, что никогда не сможет принести пользу Родине на поле боя, когда с ним неожиданно связывается бывший командир и просит вернуться в строй. Дело в том, что отряду «Z» поручили новую сверхсложную миссию, выполнить которую без Романа просто нереально…

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	48
Глава 3	88
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Александр Тамоников
Солдат, который вернулся

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.
А. Тамоников

Глава 1

С утра понедельника, 22 октября, командир международного отряда по борьбе с терроризмом подполковник Седов сидел в своем кабинете. Это помещение располагалось в главном корпусе секретной загородной резиденции подразделения специального назначения. Подполковник составлял отчет по прошедшей боевой операции.

Раздался стук в дверь. В помещение вошел товарищ Седова подполковник Крылов, недавно назначенный комендантом базы.

– Разрешите? – спросил он.

– А если не разрешу, то сдашь в обратку? – не отрываясь от бумаг, вопросом ответил командир отряда, по должности стоявший выше коменданта.

– И не подумаю!

– Тогда чего ерундой занимаешься? Есть что сказать, за-

ходи, говори.

– Просто так друга проведать уже нельзя?

– Соскучился, что ли?

– Да уж, с тобой и с Трепановым соскучишься!

Полковник Трепанов являлся заместителем генерал-полковника Белоногова, советника президента, чрезвычайного и полномочного представителя России в так называемом «Совете шести». По совместительству он был куратором отряда «Z», созданного руководством России, Украины, Белоруссии, Германии, Франции и Турции. Эти государства объединили свои усилия в борьбе с международным терроризмом.

– Значит, по делу зашел?

– Мне, Валера, из штаба позвонили, – сказал Крылов и присел за стол-приставку.

– Лучше бы тебе жена позвонила.

– Не волнуйся, она и так мне покоя не дает. Не ерничай, Валера. Скажи-ка, сегодня у нас в штабе что должно было проходить?

Седов оторвался от бумаги, посмотрел на Крылова, на минутку задумался и сказал:

– Погоди, Толик, нынче ведь у нас понедельник? Черт, сегодня же медицинская комиссия, которая должна решить участь Блондина и Бурята!

Блондин – белорус, старший лейтенант Шинкевич – и Бурят – российский прапорщик Николаев – входили в состав

отряда до трагических событий в Норвегии. Там проводилась операция по освобождению заложников, содержавшихся на заброшенной ферме. Подразделение Седова попало в западню и понесло серьезные потери. Блондин и Бурят получили ранения.

– Точно! Мне как раз по результатам этой комиссии наш начальник медицинской службы и позвонил.

– Что сказал?

– Неутешительные новости, Валера. Парней признали негодными для дальнейшей службы в отряде. Бурята вообще списали. По Шинкевичу вопрос службы или увольнения будет решен в Минске.

– Твою мать!.. – невольно воскликнул Седов. – Блондин – ладно, я согласен, у него осложнения были, но Бурят? Николаев лишь слегка прихрамывал. Врач базы Цейман убеждал меня, что это дело временное, все наладится. Почему Рому-то комиссовали?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Я сейчас у Белоногова поинтересуюсь. Он должен знать заключение комиссии.

– Может, Трепанову позвонишь? Генерала как-то неудобно отвлекать по пустякам.

Седов повысил голос:

– Что? Это для тебя, Толя, может быть пустяком, а для меня потеря двух опытных, проверенных бойцов, товарищей – большая беда.

Валерий взял трубку аппарата засекреченной связи, но решил, что так будет слишком долго выходить на генерала, и бросил ее на рычаги. Седов достал сотовый телефон, нашел в памяти нужный номер и нажал клавишу вызова.

Белоногов ответил сразу:

– Здравствуй, Валерий Николаевич! Слушаю тебя.

– Здравия желаю, Дмитрий Сергеевич! Это я вас слушаю.

– Не понял!

– А что непонятного? Извините, товарищ генерал-полковник, но позвольте узнать, почему я не поставлен в известность о результатах работы медицинской комиссии по Блондину и Буряту?

– Если ты считаешь возможным разговаривать со мной таким тоном, то смею предположить, что заключение комиссии тебе известно. Эту страшную тайну наверняка довел до твоего сведения подполковник Крылов. Или не так?

– Так, Дмитрий Сергеевич.

– Если тебе известны результаты работы комиссии, то что ты хочешь от меня?

– Я хочу знать, почему Николаев признан негодным для службы в отряде.

– Этот вопрос не ко мне. Ты прекрасно знаешь, что решение по прапорщику Николаеву и по старшему лейтенанту Шинкевичу принимала комиссия, мне не подчиненная.

– Но можно же как-то повлиять на ее председателя!

– Можно попросить генерала Свиридова оставить ребят

в подразделении. Не исключено, что он не откажет. Но, Валера, это одновременно значило бы, что я осознанно ставлю их жизни под угрозу. Я беседовал со Свиридовым, ни о чем не просил, просто консультировался, можно сказать. Мне, между прочим, тоже далеко не безразлично, кто служит в отряде. Так вот, ни Бурят, ни Блондин, к сожалению, на настоящий момент физически не в состоянии переносить те нагрузки, которые сопровождают подразделение на боевых выходах. Даже при решении задач средней степени сложности! Это, Валера, к сожалению, медицинский факт.

Седов взял себя в руки. Генерал был на сто процентов прав. Нахождение в отряде офицеров с ограниченными физическими возможностями может не только погубить их, сорвать операцию, но и поставить под угрозу уничтожения весь отряд.

– Извините, Дмитрий Сергеевич, я понял. Что теперь ждет парней?

– Шинкевичу, насколько мне известно, предоставляют должность в учебном центре Белоруссии, а вот Николаев отказался от перевода на штабную работу. Я вполне мог пристроить его в какое угодно управление Генерального штаба, на любую должность прапорщика. Но он заявил, что подаст рапорт на увольнение. Конечно, никакого рапорта я от него не приму. Хочет на гражданку, так пусть лучше уйдет по состоянию здоровья, по ранению, полученному при исполнении правительственного задания особой важности. Это поз-

волит ему получать повышенную пенсию. Он будет обеспечен жилой площадью в Москве.

Седов проговорил:

– Что ж, хоть так.

– Но ты, Валера, должен помочь мне в этом.

– В смысле?

– Сразу же после комиссии Бурят высказал все, что он думает о медиках, заявил о подаче рапорта и ушел из штаба. Думаю, он приедет к тебе на базу.

– Блондин с ним?

– Нет, Шинкевича из штаба увез представитель Белоруссии в «Совете».

– Ясно.

– Ты поговори с Бурятом, Валера. Объясни ему, что иного решения мы принять просто не могли, не имели такого права. Мы его не забудем, не оставим, поможем, а через годик выведем на повторную комиссию.

– Это возможно?

– Почему нет? Раны заживут. Здоровый образ жизни, постоянные физические упражнения вполне могут восстановить здоровье Бурята. Тогда повторная комиссия, при положительном вердикте – призыв на службу из запаса, переподготовка, вывод на уровень прежнего боевого потенциала. Бурят вновь окажется в строю. Вернее, может оказаться при благоприятном стечении обстоятельств. Шансы у него неплохие.

Валерий вздохнул и спросил:

– Думаете, Бурят поверит в это?

– Все зависит от того, сможешь ли ты убедить его.

– В том-то и дело. Рома лучше других знает, что может ждать его в будущем. Но я понял. Обязательно поговорю. Конечно, если он направился сюда, в Колитвино, а не в ближайший кабак.

– Все равно, Валера, не сегодня, так завтра или послезавтра, но Бурят обязательно приедет на базу.

– Должен. Вместо Шинкевича и Николаева кого-нибудь готовят?

– Уже подготовили. Сегодня Трепанов привезет на базу замену Блондину и Буряту. Это наш старший лейтенант Рыбов и белорусский прапорщик Лукарин. Прими пополнение и поставь задачу заместителю на проведение личных занятий с ними. Пока у нас никаких дел не намечается, надо поставить ребят в строй.

Седов усмехнулся и заявил:

– Сегодня ничего не намечается. Завтра поступает вводная, и мы летим куда-нибудь к черту на кулички.

– Не так далеко, Валера. Ты понял меня?

– Так точно!

– Еще вопросы есть?

– Нет.

– Тогда до связи.

– До связи, Дмитрий Сергеевич.

В кабинет вошел заместитель командира отряда майор Коновалов:

– Приветствую! С утра бумажные дела?

– Черт бы побрал эти отчеты. Возмущает то, что по сути никому они не нужны. Посмотрит их мельком Белоногов, отправят копии представителям стран «Совета». В итоге на отчеты поставят гриф «Совершенно секретно» и отправят в архивы. А ты пиши каждый месяц, после любой боевой операции, когда и без бумаг всем известно, как они проходили. К чему эта бумажная хрень?

– Значит, надо, – заявил Коновалов и усмехнулся.

Крылов поднялся и заявил:

– Раз у вас пошли свои разговоры, то пойду-ка я к подчиненным. Полковник Будин разбаловал их, приходится восстанавливать дисциплину.

– С женщинами это трудно, – сказал Седов.

– Но приятно! – с улыбкой заметил Крылов.

– Смотри, Толя, узнает Лариса, что ты с Ольгой Богачевой часами в кабинете беседуешь, несдобровать тебе. Лара устроит веселую жизнь!

– Это она может, но откуда узнает, что я делаю на секретном объекте? Кстати, беседы с подчиненными входят в круг моих обязанностей. Я же не виноват, что кроме заместителя и врача в моем гарнизоне одни женщины, причем все незамужние.

– Ступай, Толя.

– Ухожу. Если что, я у себя.

– Не перетрудись.

– Постараюсь.

Крылов ушел, Коновалов присел к рабочему столу Седова и спросил:

– Так что у нас за дела, командир? Я имею в виду, ничего нового от начальства не поступало?

– Тебе не терпится вновь попасть на войну?

– Особого желания нет. Только нас никто не спрашивает, хотим ли мы этого или нет.

– Твоя правда, Юра. А новости есть, причем не самые радостные.

– Что за новости?

– Генерал Белоногов сообщил, что Блондина и Бурята медкомиссия признала негодными для прохождения службы в подразделениях специального назначения.

– Списали, значит! Но другое-то место службы предоставили?

– Шинкевичу, по словам Белоногова, предложили служить в каком-то белорусском учебном центре. А Николаев от всех предложений отказался. Ему или отряд, или гражданка. Решено уволить в запас по состоянию здоровья. Это дает ему неплохие льготы.

– Представляю, что у него сейчас на душе. Ведь Бурят был с нами еще до формирования отряда «Z», в боевой группе «Тень». Да, как бы он не натворил чего в Москве! – прого-

ворил Коновалов.

– Он может. Черт, хотел же ему позвонить. – Валерий взял сотовый телефон, набрал номер прапорщика Николаева, тут же отключил связь и заявил: – Аппарат абонента выключен или находится вне действия сети.

– Плохая примета.

– Ничего хорошего. Но это раньше, находясь в строю, Бурят, как и все наши люди, должен был постоянно находиться на связи. А сейчас он не обязан держать телефон включенным. Надо бы найти Ромку, но как и где? Впрочем, Белоногов убежден в том, что он обязательно приедет на базу.

Коновалов кивнул и сказал:

– Я тоже так думаю.

– Если до этого не разнесет какое-нибудь кафе.

– Такое тоже вполне вероятно.

– Ладно, посмотрим, что будет дальше. К нам должны прислать пополнение вместо Блондина и Бурята. Прими его, пока я закончу с отчетом.

– Что за люди, известно?

– Ребята из резерва. – Седов посмотрел в записную книжку. – Старший лейтенант Рыбкин Сергей Андреевич, в прошлом офицер спецназа ФСБ, и Лукарин Вячеслав Алексеевич, прапорщик из Белоруссии.

– Понятно. Отряд вновь будет укомплектован по штату «А»?

– Да, пятнадцать человек. Нам надо как можно быстрее

поставить в строй Рыбова и Лукарина.

– Сделаем.

– Вот и займись этим. Остальным занятия по распорядку. Юра, через полчаса прибудет фельдъегерь, а у меня еще отчет не закончен.

– Понял, командир, ухожу.

Проводив заместителя, Седов продолжил составление отчета и закончил его за пять минут до прибытия офицера фельдъегерской связи. Он передал ему пакет, откинулся на спинку кресла, попытался еще раз набрать номер Николаева, но телефон прапорщика молчал.

«Где ж ты находишься, Бурят?» – подумал командир отряда.

Сигналом вызова продребезжал телефон внутренней связи.

Седов поднял трубку:

– Слушаю.

– Дежурный по контрольно-пропускному пункту. Прибыл прапорщик Николаев.

– Легок на помине. Он на машине?

– Так точно.

– Почему не пропускаете?

– Так в списках лиц, подлежащих беспрепятственному проезду на территорию объекта, никакого Николаева нет.

– Список еще Будин составлял?

– Так точно.

– Пропускайте машину!

– Есть!

Вскоре в кабинет Седова вошел прапорщик Николаев, одетый в штатское, с объемным пластиковым пакетом в правой руке.

– Здравия желаю, командир!

– Здравствуй, Рома, рад тебя видеть. О результатах медкомиссии можешь ничего не говорить, я в курсе.

Николаев поставил пакет на диван и заявил:

– Эти суки-эскулапы даже осмотра нормального не провели. Глянули бумаги из госпиталя, снимки и тут же вынесли вердикт: не годен для службы в отряде «Z» и в других подразделениях специального или особого назначения, ограниченно годен для прохождения службы в строевых частях. Вот так, Валера. Говорят, что отвоевался я. Но это не так. Мне лучше знать!

– С медиками спорить бесполезно, Рома.

– Да знаю.

– А чем тебе было бы хуже в штабе?

– Я и штаб? Это, командир, несовместимо. К черту этот штаб. Я решил уйти на гражданку. Выслуга есть, пенсию назначат, по условиям контракта квартиру в Москве предоставят. Да, Трепанов намекал, что хату могут дать в столице, но она мне не особо нужна. Мне от родителей дом в деревне достался. Хороший, крепкий, с садом, прямо у пруда и леса.

– Где это?

– Село Шанино.

– Так оно недалеко от дачного поселка в Дронино.

– Километров тридцать. Соседями будем.

– И чем же ты, Рома, намерен заниматься в деревне? Живность разводить? Пчел? Или огородничать?

– Да сдались мне эти куры, свиньи, пчелы, огород! Поначалу ни хрена делать не буду, а дальше посмотрим. Может, женюсь.

– Понятно. Только надоест тебе самогон жрать да бездельничать.

– Тогда в Москву приеду. Служебная-то хата за мной останется до выделения постоянного жилья. А в Москве есть чем заняться.

– Нормальным людям, Рома. – Седов вздохнул. – А мы не такие. Мы люди войны, покой нам противопоказан.

– Поживем – увидим.

Седов поднялся, прошелся по кабинету и проговорил:

– Ты меня послушай. Не хочешь служить в штабе, дело твое. У тебя еще есть шанс вернуться в отряд.

Николаев с удивлением посмотрел на командира и сказал:

– Не понял! Какой, Валера, шанс, если медкомиссия списала меня?

– И тем не менее он есть. Я с Белоноговым разговаривал. Если ты не вдашься в пьянку, не плюнешь на себя, а займешься собой, постараешься восстановить боевую физическую форму, то через год генерал выведет тебя на повторную

медицинскую комиссию. Возможно, он добьется переосвидетельствования и раньше. В случае положительного результата, признания тебя годным для службы в спецподразделениях, последует призыв из запаса. Ты вновь будешь введен в строй отряда, если его не разгонят до того времени. Даже если так случится, то боевую группу «Тень» начальство обязательно сохранит. Вернешься?

– Ты это серьезно, Валера?

– Я передал тебе то, что услышал от генерал-полковника Белоногова. Он, как ты знаешь, слов на ветер не бросает. Генерал просил меня поговорить с тобой, что я и делаю.

– Год, говоришь? – задумчиво произнес Николаев. – Это пустяки. Но мне нужна программа восстановления и консультации.

– Майор Цейман составит для тебя программу и проконсультирует, если понадобится.

– Он же тоже на пенсию собирался.

– Уйдет Цейман, придет другой. Без помощи ты не останешься. Так что я бы тебе посоветовал отозвать рапорт, пока не поздно, и пойти служить в штаб.

– Нет, – категорично заявил Николаев. – В штаб не пойду. Какая там у прапорщика должность? Мальчик на побегушках. Даже в секретном отделе. Или мелкая канцелярская крыса. Это, Валера, не для меня.

– Смотри сам. Я не могу навязывать тебе решение. Что в пакете? Водка?

Николаев улыбнулся и ответил:

– Не только. Есть вискарь, коньяк и закуска.

– Зачем?

– Ну ты даешь, командир? Должен же я проставиться ребятам по случаю скорого завершения карьеры! Пусть и временного, во что мне, признаться, верится с трудом.

Седов посмотрел на боевого товарища и заметил:

– По-моему, ты уже выпил.

– Конечно. Из штаба сразу поехал в кабак, – подтвердил Николаев.

– Странно, что не разнес его. Или я заблуждаюсь?

– Не разнес. Повода не представилось. Встретили как обычно, заказ приняли быстро, официант вел себя до блевоты вежливо, и в зале пусто. Не к кому было прицепиться. Так и посидел в тоске да печали. Потом заглянул я в супермаркет и поехал сюда.

– Пьяный за рулем!

– Да какой я пьяный? Принял-то всего триста граммов. А что это для меня? Затравка!..

– Так ты решил закончить пьянку здесь, на режимном объекте?

– Ты о чем, командир? Для пьянки пришлось бы машину спиртного завозить, а у меня водки полтора литра, бутылка виски да пузырь «Арарата». Какая тут может быть пьянка? Так, посидим немножечко, если, конечно, ты разрешишь.

Седов вздохнул и проговорил:

– И разрешить отвальную на объекте не имею права, и запретить не могу, не по-человечески будет. Но проставишься ты вечером, после ужина.

– Так, может, тогда еще пойла прикупить?

– Рома, кому, как не тебе, должно быть известно, что у нас стоит только начать, а потом конца-края не видно. Учти, нажраться парням не дам. Тебя сегодня никуда с базы не отпущу. Если надумаешь уехать, то только утром, понял?

– Так точно, командир.

– Поверь, Рома, мне очень жаль, что так получилось. В Норвегии я должен был найти другое решение, ведь предполагал же удар в спину.

– Не вини себя, командир. Ты действовал верно, но война есть война. Она без потерь не бывает. Да, нам чаще везло, однако всему когда-то приходит конец. Так произошло в Норвегии. А в Африке отряд сокращенным составом провел две боевые операции, и не было ни одного пострадавшего.

– Ладно, Рома, поговорим еще. Смотрю, тебе не терпится с ребятами встретиться.

– Ты прав. Не поверишь, тосковал я по ним.

– Почему не поверю? Иди, Рома, но пакет оставь здесь. Если у тебя и в багажнике есть запасы, то лучше передай их подполковнику Крылову, не порть вечер.

– Конечно, командир. А в багажнике у меня только закуска да домкрат с балонным ключом. Даже огнетушителя и знака аварийной остановки нет. – Николаев встал. – Эх, хо-

рошо здесь. Как дома. Не верится, что я уже в гостях. Ладно, Валера, пойду. Да, кстати, где сейчас парни?

– В спортзале, – посмотрев на часы, ответил Седов. – Передай Беку, что я разрешил прекратить занятия.

– Спасибо, Валера.

– Не за что.

Вечер прошел спокойно. Седов выпил три рюмки и контролировал ситуацию. Впрочем, она не требовала особого надзора. Офицеры спецназа вспоминали боевые выходы, поднимали тосты за Николаева. Они разошлись к отбою, перенесенному командиром отряда на полночь.

Утром Седов вышел проводить прапорщика. Погода стояла холодная, небо обложили тучи.

Николаев сказал:

– Наверное, первый снег выпадет.

– Возможно, – проговорил Валерий и спросил: – Сам доедешь или водителя дать?

– Доеду.

– Ты удостоверение личности не сдал?

– Нет.

– Правильно сделал. Оно на гражданке пригодится, только надо рапорт написать о его утере.

– Вчера написал, передал Коновалову.

– Ну что ж, если возникнут проблемы в новой жизни, не стесняйся, обращайся, поможем. Сам знаешь, мы своих в бе-

де не бросаем.

– Знаю. Только какие могут быть проблемы на гражданке после того, что было пережито на боевых выходах?

– Не скажи, Рома. Сейчас еще неизвестно, где опасней, на войне или в мирной жизни.

– Прорвемся.

– Тогда удачи тебе, Рома! Звони, не пропадай.

– Спасибо, командир. До связи.

– До связи.

Николаев сел в свой «Ниссан», посигналил три раза, прощаясь с отрядом, и выехал с территории секретного объекта. Седов, проводив его, поежился, посмотрел на небо. Да, скорее всего, будет ненастье. Он не ошибся. Вскоре начался дождь, к девяти часам сменившийся мокрым снегом.

Николаев к этому времени успел доехать до села Шанино. Он не захотел оставаться в Москве, где все напоминало о службе. Роман оставил автомобиль у ворот, прошел на крыльцо. На двери висел замок. Его можно было открыть и простым гвоздем, но к дому уже спешил Степан Петрович Воронцов, сосед, друг покойного отца.

– Какие люди?! – издали воскликнул он. – Рома, ты ли это?

– Я, Петрович, здравствуй.

– Здорово, бродяга. Давненько не наведывался.

– Так служба, сам понимаешь.

Для соседей, знакомых и всех остальных Николаев был

армейским прапорщиком, служившим в десантных войсках.

– А теперь в отпуск, что ли? Могилы родителей проведать?

– Уволился я, Петрович. Свободен как птица.

Сосед подошел к Роману, обнял его:

– Здравствуй, Рома! Рад видеть тебя.

От Степана Петровича несло перегаром.

– Я тоже рад. По какому поводу вчера пил? Вроде никакого праздника не было.

– А мы тут, в глуши нашей, в поводах не нуждаемся.

– Пьешь, значит?

– А чего еще, Рома, делать? Молодежь вся в столице. Там же на заработках и мужики постарше, которые трезвые. Остальные пьют да по пьянке друг другу морды бьют, чтобы на следующий день замириться и опять нажраться.

– Понятно.

– Ты не беспокойся. Я за хатой смотрел, а Катька прибиралась.

– Катя? Она что, с вами живет? Вроде как замуж вышла, уехала.

– Недолгим брак ее был, Рома, развелась в прошлом году и вернулась. С одной стороны, хорошо, что не родила, а с другой – внучат хотелось бы. Но…

– Еще родит, молодая.

– Ага, тридцать пять лет. Она ж тебя на год, по-моему, младше?

– На год.

Сосед почесал затылок.

– Погоди, Рома, так тебе тридцать шесть?

– Ну и что?

– Почему же тогда уволили? – Петрович щелкнул пальцем по шее. – За это дело поперли? Или, может, по ранению? Люди говорили, что ты в Афгане и Чечне воевал.

– По ранению, Петрович.

– Вот оно что.

Сосед вздохнул:

– Хорошо, что хоть живой остался, да и с виду не калека. Красавец. У нас на селе, слава богу, никого на той войне не угробило, а по соседним местам пацанов много погибло. На районном кладбище целая аллея могил ребят, что с Кавказа не вернулись. Из Афгана тоже, но тех поменьше.

– Война, Петрович, и есть война.

– Это точно.

Николаев взял ключ, открыл замок, прошел в дом. Внутри все было прибрано. На улице пошел дождь.

– Холодно здесь, Петрович. Дрова-то на дворе есть?

– Откуда? Те, что оставались, добрые люди растащили. У нас на это народ шустрый. У меня возьмешь сколько надо. Я недавно целую машину за три тысячи купил.

– Так дешево?

– Парень привез один, у него и купил.

– Понятно. Надо бы дом протопить да отметить приезд.

– Правильно мыслишь, Рома, без этого нельзя. Я сейчас к себе метнусь, тележку дров прикачу, а ты покуда устраивайся. Гуся-то позвать?

Николай Гусев был другом детства Романа. Вместе росли, учились, уходили в армию. Гусев вернулся, Николаев остался служить.

– Он тоже тут?

– А где ж ему быть?

– Если на селе, значит, тоже бухает?

– Нет, он в Москве подрабатывает. Десять дней в столице, двадцать дома.

– Женат, наверное? Дети уже немалые?

– И женат, и сын-пострел растет, только не особо они ладят, но это между нами. Ленка его тоже в столице работала, потом бросила туда ездить. Не знаю, откуда до Гуся слухи дошли, будто жена в Москве мужиков ублажала.

– Ох уж эти слухи.

– Думаешь, брехня?

– Какая разница? Живут вместе, ну и пусть.

– Тоже верно.

– Марина Викторовна как себя чувствует? – спросил Роман о жене Петровича.

– Да теперь вроде ничего. Зимой сильно хворала, думал, не встанет. Обошлось. Спина побаливает, но у кого в нашем-то возрасте все нормально? Это вы молодые – здоровые.

– Еще как! – проговорил Николаев.

Сосед вспомнил о его ранении, поднялся и заявил:

– Ладно, наговоримся еще. Я за дровами.

– Подожди, Петрович, – остановил соседа Роман. – У нас на селе магазин работает?

– Работает. Катька там продавщицей. Повезло, устроилась. Приглянулась хозяину.

– А кто хозяин, местный?

– Нет, мужик из района, на крысеныша похож, депутат какой-то. Арсением зовут, фамилию забыл, да и не нужна она мне.

– Значит, Катерина приглянулась ему? Это хорошо.

– Чего ж хорошего, если у этого депутата-бизнесмена семья в райцентре?

– А может, он влюбился в Катьку? Она на лицо красивая и фигурой удалась.

– Ага, еще как влюбился. Только не в Катьку, а в то, что у нее между… да ты понял.

– Это ее дело. Без мужика-то несладко.

– Да был бы мужик, Рома, а то так, шлепок майонезный.

Николаев улыбнулся:

– Как ты назвал этого Арсения?

– Шлепок майонезный, а что? Кто есть, тем и назвал. Но пошел я, а то трубы горят.

– Так ты недослушал. У меня водки с собой нет. Надо купить.

– А на черта эта паленка нужна? У меня самогон получше

любого коньяка будет.

– Тогда захвати, заплачу, а закуску пусть Гусь купит. Возьми деньги. – Николаев протянул соседу пятитысячную купюру.

– Куда столько-то?

– Пусть купит продуктов дня на два. Мне ведь есть что-то надо.

– Ладно.

– Давай, Петрович, а я пока багаж распакую да машину во двор загоню.

– Иномарка твоя, что ли?

– Нет, напрокат взял.

– Хорошо, видать, получал.

– Неплохо.

– У вас, военных, теперь пенсия ого! Побольше, чем зарплата у наших сельских начальников, наверное, будет.

– На жизнь хватит.

– Это если холостой. – Петрович с прищуром посмотрел на прапорщика.

Николаев улыбнулся и ответил:

– Да, не женат я, Петрович.

– Тогда еще и останется. Ладно, все. – Он поднял руки. – Ушел я!

Проводив соседа, Николаев распаковал сумку, разложил вещи, которые взял с собой из московской служебной квартиры. Он обошел дом, двор, забрел в сад. Но дождь не дал

Роману пройтись по дорогим местам, знакомым с самого детства.

Вернувшись в дом, Николаев сел на кухне, достал пачку сигарет и закурил. Сможет ли он жить здесь? Вроде все вокруг родное, в то же время чужое. Долго он тут не был, с самых похорон отца. А Екатерина молодец, строго следит за порядком. Надо бы отблагодарить. Деньги она вряд ли возьмет. Подарок? А что именно?.. Дорогие духи? А если они ей не понравятся? Серьги золотые или колечко – не так поймет. Надо с Петровичем, а лучше с Мариной Викторовной посоветоваться. Конечно, она будет отговариваться, мол, ничего не надо, не за подарки или деньги Катька за домом смотрела. Но это поначалу, потом согласится и что-нибудь посоветует.

С улицы послышался скрип и скрежет. Николаев вышел на крыльцо. Оказалось, это Петрович катил тележку, заполненную дровами.

Роман перехватил ручки, сам потащил ее во двор и заявил:

– Чего это она у тебя как старая телега скрипит и колесо восьмеркой ходит?

– Надо бы смазать да гайки подкрутить, но все некогда, Рома.

– Развалится скоро.

– Да и хрен с ней. Ухажер Катькин, депутат, еще в том году новую подогнал.

– Подарил?

– Ага! Такие, как он, ничего не дарят. Подогнал по закупочной цене. Короче, дешево обошлось. А эту пора на свалку.

– Что ж это депутат зажался? Мог бы и так отдать.

– Говорю же, у этого Арсения зимой снега не выпросишь.

– Он нравится Екатерине?

– Да ладно тебе! Только куда ей деваться?

– Что значит куда? Она же не рабыня.

– А где другую работу взять? Нет ее на селе. Если только в Москву податься и передком торговать, как Ленка Гусева.

– Петрович! – повысил голос прапорщик. – Прекрати!

– Да плевать мне на все.

Николаев опрокинул тележку под навес, взял пяток поленьев, вошел в дом через заднюю дверь. За ним шагал Петрович с такой же поклажей. Роман растопил печь. Дом быстро заполнился теплом. Да и на улице пока еще мороза не было.

– Гуся предупредил о приезде? – спросил Роман.

– А как же. Он уже должен из магазина прийти. Чего-то задерживается. Наверное, Катька ему допрос насчет тебя устроила.

– Он же ничего не знает.

– Эх, Рома, бабы есть бабы. Знает или нет – неважно. Если прицепится, то скоро не отвяжешься.

– А самогон?

– У меня не четыре руки. Сейчас тележку оттащу домой, принесу первачка. Маринка в бутылки разливает. Кстати,

она тоже собирается зайти, посидеть с тобой.

– Пусть, я только рад буду.

– Нет, я сказал, что ты вечером сам к нам заглянешь. На хрена бабам мешать мужикам? Как раз и Катька с работы вернется, если ее крысеныш-депутат не увезет. Но вроде сегодня его джипа на деревне не было.

– На внедорожнике раскатывает?

– А то! У него же, почитай, в каждой деревне по магазину, кафе на трассе, в райцентре автосервис и еще что-то. Развернулся этот сучонок. При прежней власти его отец председателем райисполкома был. Такой же ворюга. Еще тогда на «Волге» ездил, а она стоила, как все дома на нашей улице. Так-то! Как это в книжках называется? Преемственность поколений?

– Коррупцией это называется.

– Одна хрень. – Петрович выглянул в окно и сообщил: – А вон и Гусь твой шкандыбает. Встречай, я за самогоном.

Друг детства ввалился в дом с шумом и большой сумкой:

– Рома, твою мать! Наконец-то изволил приехать. Дай-ка я обниму тебя, братан.

Николаев указал на сапоги друга, запачканные грязью:

– Ты кирзу сними. Катька тут прибирается, а ты будто специально дерьма поднабрал.

– Без базара.

Гусев сбросил в сенях сапоги, в носках, не надевая тапок, прошел в главную комнату, которую родители Романа по-

стариковски называли горницей.

Он обнял друга и заявил:

– Кого-кого, Рома, а тебя я всегда рад видеть.

– На селе наших ребят не осталось?

– Почему? Есть кое-кто. Многие, правда, на заработках обретаются. Я вот тоже на десяток дней уезжаю склады охранять. У каждого своя жизнь. Да и корешился я по-настоящему только с тобой и еще с Шарниром.

– Он на селе?

Шарниром товарищи звали своего друга, Шарнина Александра Сергеевича.

– Нет, Саня в Москве, но не работяга какой. По ментовской линии пошел, сейчас уже майор, на Казанском вокзале в отделе служит. То ли начальником, то ли заместителем. Сюда редко приезжает. У Шарнира семья, двое детей, мать забрал, хата пустая на отшибе стоит. Ну а батя у него, сам знаешь, еще в девяностые утоп в пруду по пьянке.

– Знаю. Значит, Шарнир майор?

– Угу! Недавно получил.

– Откуда знаешь, если он не приезжает в село?

– Так я на работу из района на электричке езжу. Прямиком на Казанский вокзал. Там его частенько вижу. Раньше четыре маленькие звездочки носил, а в последний раз смотрю – на погонах одна большая. Начальник. Но не зазнался. Иногда угощает в кафе, когда с вахты домой еду.

– И много получаешь?

– Двадцать штук. Для села много. Это за десять суток.

– Неплохо, – согласился Николаев.

Об отношениях с супругой Роман друга спрашивать не стал. Неудобно. Захочет, сам расскажет.

Вместо этого он поинтересовался:

– У тебя до сих пор один сын или еще кого родили?

Гусев как-то помрачнел.

– Один. Вовка, сорванец и хулиган.

– Сколько ему?

– Пятнадцать. В восьмой класс пошел, а толку? Школа в районе. Там же и друзья. Приезжает поздно. Один раз уже в милицию, то есть в полицию, вызывали. Сперли с корешком-одноклассником из ларька две банки пива да попались. Пока предупреждением отделался, в следующий раз обещали на учет поставить. Хотел я его в школу-интернат перевести, да подумал, только хуже будет. А по натуре пацан ничего, добрый. В меня пошел. А насчет Ленки тебе уже наверняка Петрович рассказал.

– Меня слухи не интересуют, Коля.

– Это не слухи, а правда. Сучка моя Ленка, шалава.

– Все, Коля, не заводись, Петрович идет.

В дом вошел Воронцов, выставил из пакета две литровые бутылки коричневого самогона.

– Точно как коньяк или виски, – сказал Николаев. – Цвет один в один.

– Да ты что, Рома? Намного лучше! Первачок – просто

слезинка, градусов под восемьдесят. Но пьется легко, не как спирт, и поутру голова не болит, если, конечно, не пережрать.

– С двух бутылок нам ничего не будет.

– Не забывай, вечером к нам пойдем. Марина ждет, да и Катерина тоже.

Гусев улыбнулся и подтвердил:

– Особенно Катька. Она как узнала, на чьи бабки я ей дневную выручку перекрываю, так и пристала с расспросами, как ты да что. С женой или один? Совсем или в гости? А я толком ответить не смог, потому как сам ничего не знаю. Петрович только и сказал, мол, Ромка приехал, надо жратвы взять да сюда принести, и пять штук дал. Еле отмахался я от Катьки.

– Да-да, – проговорил Петрович. – Ей бы тебя, Рома, а не этого сморчка Арсения. Баба-то она справная, чистюля, хозяйственная. С мужем не повезло, так с кем не бывает. А что с Арсением, то не по любви, а по принуждению. Жить на что-то надо…

– Ладно, мужики, – прервал этот разговор Николаев. – Давай продукты, стол накрываем. С горячим проблема, но обойдемся. Ты, Коля, чего в магазине взял?

– А там, кроме консервов, колбасы копченой, рыбы, водки, пива да сигарет, и брать нечего. Остальное просроченное либо не поймешь что. Чипсы, орешки, семечки, лабуда, короче. Катька, правда, лично для тебя сосисок из загашника

принесла.

– Так ты что, все пять тысяч ухандокал? – спросил Петрович.

– Зачем? – ответил Николай. – Почти треху сдачи принес. – Он выложил на стол деньги.

Роман сунул их в карман и скомандовал:

– Давайте за работу! Петрович, режь колбасу и хлеб, Коля, открывай консервы. Я стаканы поищу.

– А чего их искать? В комоде они, – сказал Петрович.

Спустя десять минут мужики сидели за столом. Петрович разлил в стаканы по сто граммов самогона.

Гусев поднялся и заявил:

– Хочу выпить за своего друга, за его возвращение домой. – Он повернулся к Николаеву и продолжил: – Вряд ли ты, Рома, надолго задержишься здесь, но ведь приехал, и лично для меня уже это праздник. А если останешься, то еще лучше. За тебя, братан.

Мужчины выпили, немного закусили и взялись за курево. Роман с Николаевым достали по сигарете, Петрович по давней привычке затянулся папироской. Через полминуты Николаеву пришлось открывать форточку, потому как комната заполнилась дымом.

Выпили по второй, по третьей.

Николай повернулся к соседу и предложил:

– Петрович, ты пригласил бы сюда Марину Викторовну, а то идти к вам как-то неудобно. Тут уже все накрыто, а там

жене твоей готовиться надо.

Петрович согласился:

– И то верно, чего из хаты в хату бродить. Пойду, скажу жене, чтобы, как только Катька вернется, с ней и приходила сюда.

– Давай! А мы пока с Колей поговорим.

– Понял, мешать не буду. Часа вам хватит?

– Хватит.

– Наливай.

Мужики выпили еще по сто граммов. Сосед ушел.

Николаев повернулся к другу и заявил:

– Смурной ты, Коля.

– Да на душе хреново. Хотя я к этому уже привык.

– Из-за Ленки?

Гусев кивнул:

– Из-за нее.

– А с чего ты взял, что она на самом деле гуляет, вернее, гуляла, а не оговорили ее?

– С чего взял? С натуры.

– Ну, как началось-то? Не хочешь, так не рассказывай. Дело твое, личное, только знаю, выговоришься – полегчает. Об этом разговоре никто не узнает.

Гусев взял сигарету, прикурил и начал:

– Ленку в Москву сестра двоюродная сманила. На рынок торговать.

– Это Нина из района?

– Она. Сама-то уже два года как там работала. Ленка ко мне. Мол, что делать-то, Коля? Денег не хватает, здесь не заработаешь, может, поехать с Нинкой, попробовать? А я что? Езжай, говорю, попробуй. Найдешь что подходящее, может, и я потом устроюсь. Уехала. В начале лета это было. Неделю отсутствовала, потом приехала с подарками, продуктами, вещами, денег десять штук привезла. По этому поводу я пузырь шампанского взял. Выпили. Спросил я, нет ли для меня работы на рынке, Ленка в ответ, подожди, мол, сама еще не закрепилась. А работа есть. Поговорили и спать. Ночью она яростной была в плане секса. Понятное дело, изголодалась баба. В понедельник рано утром уехала. Так примерно месяц. Приезжала – уезжала. В семье деликатесы стали водиться. Я из лесхоза ушел, собирался в Москву податься, в июне крышу перекрыл. Все было нормально, пока однажды, где-то в начале июля, Ленка на выходные не появилась. Я звоню ей по сотовому, не отвечает. Ни в субботу, ни в воскресенье. Подумал, не случилось ли чего, поехал в район, к Нинке. Та дома. Спрашиваю ее, где Ленка. Она отвечает, хозяин не отпустил. Товар, мол, только с Турции пришел, надо было быстро реализовывать. А у самой глазки так и бегают. Чую, врет. Почему, спрашиваю, на звонки не отвечает? Нинка в ответ – а почем мне знать? Приедет, у нее и спросишь. Короче, не поверил я ей, разузнал, где именно Ленка торгует, и в понедельник в Москву рванул. Нашел рынок, торговую палатку, где должна была работать женушка, а там девка мо-

лодая. Спрашиваю ее, где Лена. А она, не знаю такой, третий день только на точке. Тут хозяин подваливает, армянин. Я к нему. Где жена? Торгаш вежливым оказался, с понятием. В сторону отвел и говорит, что Ленка неделю назад взяла расчет и ушла. Жалко, мол, хорошая была работница. А куда ушла, не знает. Мол, а разве она домой не приезжала? Я ему – а чего бы мне тут делать, если бы приезжала? Армянин, Тофик, тоже забеспокоился. Знаешь, говорит, у меня есть адрес, где Ленка с какой-то бабой из Калуги комнату снимала. На его тачке и поехали на хату. Открыла старушка. Узнала, кто мы, впустила. Спрашиваю ее, где жена? Отвечает, мол, на работе, где ж еще? Час назад мужики за ней заехали и увезли. Не буду вдаваться в подробности, в общем, через бабку эту, корешей Тофика, подругу калужскую, которая тогда вернулась на съемную хату, узнал я, чем именно занималась моя Лена.

Гусев прервал разговор, налил себе полстакана, залпом выпил. Странно, но он не опьянел, по крайней мере, говорил рассудительно, спокойно, с горечью и обидой, но вполне вразумительно, не путаясь.

Он закусил малосольным огурцом и продолжил:

– Оказалось, в общем, что Ленка проститутка. Вечером у сквера нашел я ее в толпе таких же шлюх. Юбка короткая, только срамота прикрыта, чулки черные, туфли на высоком каблуке, майка такая, что груди чуть не наружу, накрашена как кукла. Тьфу!.. Хотел подойти, не успел. Джип

рядом остановился, Ленка моя в эту тачку села, и мне только красные огни поморгали. Пошел я на съемную хату. Старушка пустила, муж все-таки. А под утро заявилась и женушка. Поддатая, растрепанная. Меня увидела и окаменела. А я сорвался. Ни слова не говоря, кулаком в рожу, следом в живот, по ребрам. Потом ногами. Метелил по-страшному. Пришел в себя, лежит Ленка вся окровавленная, а старушка по телефону в полицию звонит. Ушел я на вокзал, на электричке до района доехал, откуда знакомый подвез. Дома нажрался и стал ждать, когда полиция нагрянет, заберет. Думал, убил Ленку. Но никто не приехал, не пришел. А ближе к выходным, то ли в четверг, то ли в пятницу, заявилась моя ненаглядная. Больная, в синяках. Под вечер на такси приехала, чтобы соседи не видели. Упала мне в ноги. Прости, мол, Коля, в долги влезла, заставили отрабатывать. Всего неделю. Еще чего-то базарила. Выгнал я ее. В сарае ночевала. Сын Вовка к ней ушел. Днем она тоже там сидела. Потом Вовка пришел, кричал, за что, дескать, я мать из дома выгнал. А как объяснить, Рома? Правду-то пацану не скажешь. Пошел, привел ее. Сам ушел с Федюней малахольным, помнишь такого?

Николаев кивнул:

– Помню.

– Вот с ним ночь и пробухал, потом вернулся. Ленка тише воды ниже травы, а на скамье в сенях вещи собраны. Не достойная я тебе, Коля, говорит, поеду к родителям. Я, лад-

но, мол, что было, то было, забудем. Она ко мне. Мне же до нее дотронуться противно. Только когда выпил, в постель с ней лег. Так и закончилась та история. А через неделю сам в Москву поехал да на работу устроился. Скажешь, слабак я? Тряпка?

Николаев отрицательно покачал головой:

– Нет, Коля, не скажу. Видно, что любишь ты Ленку, раз простил. Ну а если так, то и говорить не о чем.

– А знаешь, как на душе хреново бывает, когда вспомню?

– Представляю.

– Не можешь ты ничего представить, Рома. Это пережить надо.

– Возможно, ты прав, но сейчас-то отношения в семье хоть немного наладились?

– Черт его знает. Ленка держит себя так, будто ничего и не было, молчит, когда я по пьянке напомню ей о той работе.

– Зачем напоминаешь?

– Говорю же, по пьянке. Это не я делаю, а водка.

– Не надо, Коля. Раз уж простил, то молчи. Мужик должен слово держать.

– Пытаюсь. Может, время надо, чтобы забыть?

– И время, конечно, но самое главное, ты сам постарайся забыть. Тяжело, да, но иначе семья долго не продержится. Разлетится как карточный домик. Всем от этого хуже будет. Особенно Вовке.

– Понятное дело. Мы что, уже целый час с тобой базарим?

Николаев посмотрел на часы и ответил:

– Почти, а что?

Гусев кивнул на окно:

– Петрович идет. Быстро же время пролетело.

– Да, уже пятый час.

– Да ты что?

– Так оно и есть.

– А у нас ни в одном глазу. Наливай, Рома, черт с ней, с семейной моей бестолковой жизнью, сегодня твой день. Приезд отмечаем. Веселиться будем.

– Получится?

– А чего? Гармонь принесу, выпьем, споем. Катька придет, она певунья еще та, да и тетка Марина тоже раньше в хоре самодеятельности пела.

Николаев улыбнулся:

– Помню, как этот хор на Первомай выступал. Мы тогда классе в третьем-четвертом были.

– Вот и посидим. Рома, Петрович говорил, будто тебя по ранению уволили, да?

– Если быть точным, Коля, то по состоянию здоровья.

– Но ранен-то был?

– Был.

– И где ж тебя зацепило?

– Догадайся с трех раз.

– На Кавказе?

– Точно. Но не будем об этом. Служба в прошлом, впереди

гражданка. Думал, сниму форму и заживу легко, свободно, а оказывается, на гражданке не все так просто.

– Это в армии, Рома, просто, а на гражданке не сахар. Ладно, все, хорош.

В комнату вошел Петрович и спросил:

– Наговорились? Или мне на крыльце обождать?

– Проходи. Чего в сумке-то?

– Марина Викторовна просила передать тебе, Рома, свежие пирожки. Они с Катькой придут, как та вернется с работы. Значит, где-то через час.

– У вас магазин до пяти работает?

– Да в нем и в четыре делать нечего, но Арсений заставляет пахать до семи вечера. А Катька решила сегодня короткий день сделать. Уж очень ей, видно, не терпится посмотреть на тебя, Рома.

– Я тоже хочу встретиться. Помню, классе в девятом я ухаживать за ней пытался, да только не смотрела на меня Катя.

– Дура была, малолетка. Встретитесь, если этот крысеныш Арсений не заявится. А он может приехать.

– Как приедет, так и уедет, – проговорил Николаев.

– А вот этого не надо, Рома. С такими козлами лучше не связываться. Себе дороже выйдет. Да и Катьке тоже.

– Знаешь, Петрович, плевать я хотел на твоего Арсения.

– Какой он мой? Я таких моих в гробу видел. Давай-ка еще по сто граммов, а то бабы могут заявиться не через час, а через десять минут. С ними так просто не выпьешь.

– Что-то хреновая у тебя сегодня самогонка, Петрович, – заявил Гусев. – Я уже больше пол-литра в себя влил, а не берет.

– Это у тебя, Коля, состояние такое, что первач не забирает. Но только поначалу. Потом так вдарит, что пополам переломишься. Ты уж поаккуратней.

Петрович налил всем по сто граммов. Мужчины выпили, успели перекурить. Ровно в пять часов в дом вошли Марина Викторовна, жена Петровича, и Екатерина, их дочь.

– Ну, здравствуй, Роман! – Марина Викторовна обняла Николаева.

– Здравствуйте, тетя Марина! Рад вас видеть.

– Красавец, ничего не скажешь, – кокетливо улыбаясь, проговорила Екатерина. – Сразу видно, человек военный, стройный, подтянутый, не пропитой, как некоторые.

– Это ты меня, что ли, имеешь в виду? – спросил Гусев.

– Что ты, Никола! Присутствующих это не касается.

Роман ответил на комплимент:

– Да и ты, Катя, красавица, впрочем, как и всегда.

– Я привлекательна, да, Рома?

– Конечно.

– Ну, началось. Самая очаровательная и привлекательная. Как в фильме, в натуре, или в басне. Кукушка хвалит петуха! – Гусев усмехнулся.

– Не влезай, – осадила его Екатерина.

Она действительно выглядела прекрасно. Полнота не пор-

тила ее фигуру. Ни морщинки на в меру подкрашенном лице, аккуратная прическа, притягательные завитушки светлых волос на висках, обтягивающее, но не откровенное платье, ухоженные руки, пальцы без накладных ногтей, но красивые.

– Хороша, слов нет.

– Вот, Гусь! – Екатерина повернулась к Николаю. – Учись, как надо с женщинами обращаться, а то наши мужики, как зайдут в магазин, только и могут: «Катька, водки дай!»

– Проходите, гости дорогие, – предложил Николаев.

– Сразу видно, что сидели одни мужики, – заявила Марина Викторовна и сказала дочери: – Давай-ка, Катя, приведем стол в порядок. Пепельницу в ведро и во двор. Задымили весь дом! Бутылку пустую туда же. Самогон убирай, я закуску сменю.

– Началось, – проговорил Петрович. – Если хочешь испортить вечер, позови баб.

– А ты не ворчи, старый, – отрезала Марина Викторовна. – Лучше дров еще принеси, прохладно.

Через полчаса женщины навели порядок. Стол был накрыт заново. Марина Викторовна разложила по тарелкам еще горячее картофельное пюре с котлетами, убрала консервы, аккуратно нарезала колбасу. Катя сделала бутерброды. На столе появилась бутылка водки и шампанское. Остался там и недопитый самогон.

Марина Викторовна спросила Гусева:

– Ты как, Коля?

– А что я? – удивился тот.

– В норме?

– В полной.

– Супругу не хочешь пригласить?

– Нет! – отрезал Николай.

– Ну и ладно, дело твое. Разливай, Степан, – велела она мужу.

Николаев открыл шипучее вино и разлил его в фужеры, которые достала из буфета Катя. Сам хозяин дома, разумеется, напрочь забыл о них. Все понемногу выпили.

Екатерина все чаще бросала взгляды на Романа. Она улыбалась, когда Николаев отвечал ей.

– Глядите, а Катька никак запала на Ромку, – заявил Гусев.

– Что ты такое говоришь, Коля? – так же улыбаясь, воскликнула Марина Викторовна и обратилась к Николаеву: – Ты бы рассказал, Рома, где и как служил. А то у нас тут в селе разговоров о тебе много. Мол, воевал, ранен был, поэтому и уволился.

– О ранении и увольнении Петрович рассказал?

– А что в этом такого? Правду, Рома, от людей не утаишь.

– Служил, тетя Марина, нормально. Под Москвой прапорщиком. Пришлось повоевать, но немного. Ранение получил легкое и случайно. Так что ничего героического. А списали даже не потому, что не годен для дальнейшей службы. Повод хороший нашли – ранение. Сейчас же повсюду сокращение

идет.

– Так и не женился? – спросила Екатерина.

Гусеву не надо было пить водку.

Он начал быстро пьянеть и понес чепуху:

– Как же он, Катька, женился бы, если ждал, когда ты разберешься с мужем, а теперь вот с хахалем?

Николаев одернул друга:

– Коля, помолчи!

– Вот, правда-матка глаза режет. Ладно, заткнулся. Я кто? Пустое место. Это Рома у нас герой, а я – олень рогатый.

Петрович вздохнул и заявил:

– Перебор вышел.

Марина Викторовна толкнула мужа локтем:

– Говорила тебе, куда два литра первача несешь? Вот и получай перебор.

– Тихо! – крикнул Гусев. – Гулять будем. А где и как он служил, я сейчас покажу. В Подмосковье, ага?!

– Ты что, Коля? – спросил Николаев.

– Я-то ничего, а ты зря скромника корчишь! Я же видел твой китель с орденскими колодками и посчитал. Да! – Он пошатнулся, но все-таки сумел повернуться к Воронцовым. – Посчитал, шесть! – Николай поднял палец. – Шесть боевых орденов и одиннадцать медалей. Как вам награды? За службу в тылу, за одну войну в Чечне столько не дадут. А это что значит? Выходит, что Рома наш в спецназе служил или в других особых войсках. Ранен он был не легко и не

случайно. В бою ранение получил. Тяжелое, отчего и комиссовали. Вот и говорю, что герой наш Рома. Не то что я. Но хрен со мной. Гуляем по полной. Я пошел за гармонью, пить и петь будем. До утра, назло всем нашим врагам и бабам.

Петрович поддержал Николая:

– Вот это правильно, Коля, ступай за гармонью.

– Я быстро. Но и ты, тетя Марина, еще самогону доставь. Какие песни без выпивки? – Он споткнулся. – Твою мать! Ведет чего-то. Но я разойдусь. Все будет охренительно, так, что народ позавидует. Пошел я. Да не держи меня, Петрович. Друг мой приехал. Можно сказать, единственный близкий человек, за которого я любого на куски порву. А кто против Ромы хоть слово ляпнет, того землю жрать заставлю. Базар не пустой. Я за слова отвечаю!

Петрович и Марина Викторовна вывели Николая во двор и буквально поволокли его домой.

В комнате остались Николаев и Екатерина.

– Рома, Колька правду сказал?

– Нашла кого слушать. Откуда ему знать о моей жизни, о службе?

– Так он же награды видел!

– Не знаю, когда успел. Я китель повесил часа два назад, чтобы не мялся. А колодки? Так там половина юбилейных медалей. Да и в них ли дело?

Екатерина проговорила:

– Ты так и не ответил на мой вопрос, Рома.

– Насчет того, женат или холост?

– Да.

– Холост и женат никогда не был.

– Почему?

– Не сложилось, не встретил той, которую полюбил ты.

– Понятно. – Екатерина отвела глаза в сторону.

В это время сигналом вызова прозвучал сотовый телефон Николаева.

Роман удивился:

– А это кто?

Екатерина прищурилась и заявила:

– Наверное, женщина, которую ты так и не смог полюбить.

Николаев посмотрел на дисплей. На нем светилась буква «С». Звонил подполковник Седов.

– Интересно. Слушаю!

– Здесь Седой!

– Рад тебя слышать, командир. Что-нибудь случилось?

– Как доехал?

– Ну, раз дома, то нормально.

– Чем занимаешься?

– В гости соседи пришли, отмечаем возвращение в родные пенаты.

– Адекватно воспринимать реальность можешь?

– Да.

– Тогда слушай и запоминай. Белоногову удалось изменить решение по тебе.

– Я могу вернуться в отряд?

– Пока нет! Но тебя не уволили, а вывели за штат. Формальный повод – невозможность немедленно предоставить постоянное жилье. Три месяца тебе будут платить как раньше, потом – только за звание. Служебная квартира, оплата, понятно, за тобой. Заключение медицинской комиссии забрали наши врачи. Через год новый полный осмотр. Так что недолго тебе отдыхать на гражданке. Ты понял меня?

– Понял, командир. Передай генералу, что я благодарен ему. Конечно, я бы с радостью прямо сейчас прибыл бы на базу, но год – это ерунда, подождем.

– Не исключено, Рома, что для тебя найдется работа и до возвращения в отряд. Но это не сегодняшний и не телефонный разговор. Будешь нужен, свяжусь с тобой. Так что находись постоянно на связи.

– Я на связи, командир.

– Ну и славно. Расслабляйся.

– До связи.

Николаев отключил телефон.

Глава 2

– Ну и кто звонил тебе, Рома? Что за человек? – поинтересовалась Екатерина.

– Командир подразделения, в котором я служил.

– Кажется, он сообщил тебе хорошую новость?

– Да, меня не уволили, а вывели за штат.

– И что это значит?

– Это значит, что я буду продолжать получать деньги, а через год, если медкомиссия не перекроет кран, смогу вернуться в армию. За мной остается служебная квартира, пока не получу постоянную.

Екатерина с интересом взглянула на прапорщика:

– У тебя есть квартира в Москве?

– Служебная.

– Но ты в ней живешь?

– Ночевал, когда был свободен от службы, а это случалось редко.

– Смотри, а ты завидный жених!

– Претендуешь на роль невесты?

– Куда мне! Ты себе молодую найдешь.

Николаев решил сменить тему и заявил:

– Что это мы все обо мне? Сама-то как?

– Да тебе уже доложили, наверное. Мол, развелась, живет с предками, ублажает хозяина магазина, в котором работает.

Или нет?

– Говорили, Катя, много, но все ли это правда?

– Да так и есть, Рома. И развелась, и к родителям переехала, и с Арсением сплю, когда ему захочется, потому что другой работы не найти. Ни здесь, ни в Москве. Кому я в столице нужна? Сутенерам, которые Ленку Гусеву стелили под клиентов? Да и им молоденькие требуются. Вот так, Рома. Вам, мужикам, в жизни легче. И работу найдете, и баб. А нам!.. Ну да ладно. Чего говорить о том, что изменить нельзя.

– Изменить, Катя, можно все и всегда. Было бы желание и характер.

Екатерина вздохнула:

– Слышала я это уже. От матери, от подруг, у которых в жизни все сложилось. Но у каждого своя судьба.

Екатерина допила бокал шампанского, потянулась, от чего ее грудь поднялась и заколыхалась. Только сейчас Николаев заметил, что на ней не было лифчика.

– А может, в монашки податься, Рома? Монастырь женский недалеко. Все заботы уйдут. Молись да работай, работай да молись. Крыша над головой будет, с голоду не помру. Не придется думать, как в этом чертовом магазине выручку делать, чтобы копейки зарабатывать. Не придется Арсения ублажать. Все считают, что я с удовольствием с ним шашни кручу. Нет, я его ненавижу, он противен до невозможности. Но терплю.

Николаев встал из-за стола, прошелся по комнате.

– Вот что я тебе скажу, Катя. Бросай ты этот магазин вместе с Арсением.

– Да? А ты меня к себе домработницей возьмешь? Если так, то я согласна.

– Я помогу тебе найти нормальную работу в Москве. Ты ведь торговый техникум закончила?

– Училище.

– Не велика разница.

– На рынок пристроишь?

– Нет, но что-нибудь подыщу.

– А как же мне без мужика? Или сам пригреешь?

Ответить Николаев не успел. Вернулись муж и жена Воронцовы.

– Ох и намаялись мы с Колькой. – Петрович потер лоб. – Ну до чего неугомонный мужик, когда переберет! Хорошо, что недалеко вести было.

– Буянил? – спросил Роман.

– Было дело. Как домой зашли, так он на Ленку набросился. Марина успокоила. Ее он еще слушается. Потом побурчал и отрубился. Как косой срезало. Упал на диван и захрапел. Ну и ладно. Проспится, отойдет. А вы тут, я смотрю, душевно беседовали. – Петрович подмигнул Роману.

– Да, поговорили.

– Посоветовал мне наш герой бросить магазин и Арсения, – сказала Екатерина. – Обещал в Москве на приличную работу устроить. Ему тут начальник какой-то звонил, сооб-

щил, что не уволили его, а куда-то вывели, и скоро он снова может вернуться на службу. Да и чего ему на селе делать, когда в столице хата есть?

Петрович и Марина Викторовна переглянулись, потом мать Кати спросила:

– Это все серьезно или так, шутки, Рома?

– Серьезно, – ответил Николаев. – Помогу, если невмоготу терпеть этого Арсения.

Петрович вздохнул и заявил:

– Плохо ты его знаешь, Рома. Он же как клещ вопьется, не оторвать. И связи кругом. К главе районной администрации как к себе заходит, с начальником РОВД в саунах вместе парятся. Жене прокурора два магазина отписал. Бандюков недобитых возле себя держит, никто ему слова против сказать не может. Мало того что клещ, так еще и борзый, лучше не связываться. Он из принципа Катьке жизни не даст. Уволит, а уехать не позволит и будет гнобить бабу. Много ли ей надо?

Николаев усмехнулся:

– Ну, ты, Петрович, мне прямо терминатора какого-то описал, а не мелкого спекулянта.

– Эх, Рома, не знаешь ты жизни в районе. Потому и хорохоришься.

За окном послышался звук мощного дизеля, фары осветили окна дома.

– Ну не твою ли мать! И чего мы об Арсении разговор за-

вели? Вон он, явился, не запылился. Сами позвали! – Петрович выругался.

Екатерина поднялась:

– Ой! Точно Арсений. Будет мне сейчас и работа, и Москва. Черт его дернул приехать. Не должен был!

Николаев спокойно проговорил:

– Чего засуетились? Как приехал, так и уедет.

– Ты думаешь, он один? – проговорила Катя, испуганная не на шутку. – С ним всегда водила, настоящий шкаф, и охранник, бывший мент, тоже здоровьем не обделенный. Они тут все на куски разнесут. Господи, что ж делать? Придется идти, встречать.

– Сядь! – резко приказал Николаев.

Екатерина невольно подчинилась. Она привыкла уступать, села и сложила руки на коленях.

– Вот так, – уже мягче сказал Николаев. – Оставайтесь тут, а я пойду поговорю с народным избранником и его быками.

– Да ты что, Рома? Убьют ведь? – воскликнула Марина Викторовна. – Уж лучше я. Меня они, может, и не тронут, все же в матери им гожусь.

Николаев вновь повысил голос:

– Я сказал находиться в доме и ждать! Я быстро.

С улицы просигналил внедорожник, моргнул фарами.

– Сейчас-сейчас, ребята, – проговорил Николаев.

Он достал из сумки наградной «ПМ», передернул затвор, поставил пистолет на предохранитель и вложил его под ре-

мень брюк сзади, накинул легкую ветровку.

Увидев оружие, Екатерина побледнела. Марина Викторовна закрыла рот ладонью.

Петрович нервно сплюнул и промямлил:

– Ты, Рома, это…

Но Николаев никого не слушал. Он вышел в сени, потом на крыльцо, там спокойно прикурил сигарету, глядя на «Форд», погасивший фары. Из внедорожника вышли низкорослый мужичок в куртке и водитель, чуть ли не в два раза габаритнее своего хозяина. Мужичок, как понял Николаев, и был тем самым Арсением, о котором сегодня шло столько разговоров.

Он небрежно махнул водителю и приказал:

– Постой тут, Леня.

– Как скажете, шеф.

Плюгавый тип подошел к крыльцу и спросил:

– Катька здесь?

Роман выпустил в его сторону облако дыма и осведомился:

– А ты сам-то кто? С виду вроде солидный мужик, но невоспитанный. Тебя в школе не учили, что, приходя к кому-то, здороваться надо и представляться?

– Чего? Я – Говорков, в районе меня каждая собака знает. А вот кто ты такой борзый? Что-то я тебя раньше здесь не видел.

– Теперь увидел, да? Ну и вали отсюда.

Говорков чуть не задохнулся от возмущения.

– Да ты чего? Совсем страх потерял? Спрашиваю, Катька у тебя?

– А если у меня, то что?

– Давай ее сюда, если не хочешь крупных проблем.

Николаев усмехнулся:

– А если я без них жить не могу?

– Тогда ты заимеешь эти проблемы. Только я не уверен, что будешь рад этому.

– Пошел ты на хер, Сеня Говорков!

– Ну, сука, ты!.. – Мужчина резко обернулся. – Ленчик, давай сюда. Тут кое-кто на неприятность набивается.

– Момент, шеф. – Водитель, разминая руки, направился к крыльцу, подошел, посмотрел на Говоркова и спросил: – Его как, легонько или по полной программе обработать?

– Убери этого придурка.

– Понял. – Шофер повернулся к Николаеву: – Ну, что, фраерок, довыделывался?

Роман встал у ступеней и заявил:

– Смотрю, грозные вы на словах, мужики. А кто довыделывался, так это мы еще проверим.

– Нет, ты глянь, какой борзый? И откуда ты такой взялся? – с негодованием воскликнул Говорков.

– Ничего, шеф, сейчас он у ваших ног кровью умоется и прощения просить будет.

– Так делай его, не болтай попусту.

Из машины вышел еще один парень, телохранитель, но остался возле нее.

Ленчик же двинулся к крыльцу, говоря:

– Учишь, учишь вас, придурков, все одно не доходит. И что за дебилы?..

Закончить фразу он не успел. Используя высоту крыльца, Николаев резким выверенным ударом ноги в челюсть отбросил здоровяка к забору. Он тут же спрыгнул на землю и нанес противнику, не успевшему прийти в себя, короткий добивающий удар в шею. Ленчик был отключен всерьез и надолго.

Роман повернулся к ошалевшему депутату и заявил:

– Теперь твоя очередь, слуга народа.

Говорков попятился.

На помощь ему бежал телохранитель. Он не представлял, кто перед ним, иначе не решился бы на столь опрометчивый шаг. Боец элитного отряда спецназа поймал его на противоходе и врезал ребром ладони по переносице. Второй защитник депутата вскинул ноги и грохнулся на землю. Николаев лишил его сознания таким же ударом в горло.

– Ну вот, примерно так, – спокойно сказал он. – А теперь, господин Говорков, не обессудьте. Пришел и ваш черед.

– Стой-стой, ты чего?

Николаев выхватил из-за спины пистолет и приставил ствол ко лбу депутата, подмочившего штаны.

– На колени, тварь!

Говоров рухнул на землю и заверещал:

– Ты это, не надо. Виноват, не знал. – Он закашлялся.

– Запомни, червь ты навозный! – продолжил Роман. – Екатерина больше не работает в твоем магазине. Завтра с кем-нибудь передашь ей расчет. Полный, с учетом отпускных и сверхурочных. И больше на селе не показывайся! Завалю. Ты понял меня?

– Понял.

– Натравишь ментов – себе хуже сделаешь. Пристрелю, но уже в райцентре. Это понял?

– Понял.

– Сейчас пойдешь со мной, возьмешь ведро, наберешь воды в колодце, приведешь своих дегенератов в чувство. Ведро оставишь на крыльце. Через десять минут чтобы вашего духа в селе не было. Ясно?

– Да.

– Вставай, за мной!

Николаев зашел в сени. Недавно еще грозный, а сейчас жалкий мужичонка послушно брел следом.

Роман указал на ведро и скомандовал:

– Забирай! Колодец сам найдешь. И ведро не забудь вернуть. Запомни, у тебя ровно десять минут. Время пошло!

Говорков схватил ведро и метнулся к колодцу. Николаев вошел в комнату. При его появлении от окна отпрянули Петрович, Марина Викторовна и Екатерина. Они выключили свет, наблюдали за происходящим на улице и находились в состоянии ступора.

Роман включил свет и осведомился:

– Подглядывали? Нехорошо.

– Ну ты и дал, Рома! – проговорил Петрович. – Этаких бугаев в пару секунд мордой в грязь вкопал.

– Ерунда, Петрович. Я и не с такими дело имел. Это шелупонь, хоть и накачанная. Мне встречался противник куда более серьезный и профессионально подготовленный.

– Рома, а они не вернутся? – тихо подала голос Екатерина.

– В смысле?

– В дом не вломятся?

– Нет, успокойся. Чего побледнела? Испугалась?

– Испугаешься тут.

На крыльце звякнуло ведро. Вскоре внедорожник сдал назад, выбрался на колею и поехал в сторону загородного шоссе.

– Ну вот, – сказал Николаев. – Был Арсений, и нет больше. Завтра, Катя, его люди тебе расчет привезут. Не бойся, Говорков ничего не сделает. Он даже уволить тебя не посмеет, потому как ты уже и сама от него ушла.

Марина Викторовна покачала головой:

– Плохо, Рома, ты этого упыря знаешь. Он сволочь мстительная. Боюсь, завтра не люди депутата с расчетом приедут, а наряд милиции.

– Полиции, – поправил ее Петрович.

– Какая разница? Была милиция, стала полиция. Вывеска изменилась, а люди все те же. Хоть и говорили о переатте-

стации этих полицейских, а выгнали только одного участкового. Единственного нормального лейтенанта.

– Тебе-то откуда знать, кого уволили, кого оставили? – Петрович с недоумением посмотрел на жену. – Или сарафанное радио сообщило?

– Знаю, и все!

Николаев указал на стол:

– Ну что, гости дорогие, выпьем еще по последней, закусим да провожу вас?

– Мы с Катькой уберемся, потом проводишь и отдыхай. Намаялся за день.

– Ничего, нормально.

Все сели за стол, выпили, закусили. Марина Викторовна и Екатерина занялись наведением порядка, Николаев с соседом вышли на крыльцо.

– Темно-то как. На небе ни единой звезды, одни облака черные, – поежившись, проговорил Петрович.

– А почему на столбы лампы не навесят? Раньше, помню, на улице всегда светло было. Пацаны даже били фонари, чтобы те не мешали девок тискать.

– То раньше было, а сейчас только три горят. У сельской администрации, у магазина Арсения да еще возле коттеджа какого-то областного чинуши. Недавно на окраине дом поднял. В три этажа.

– Вообще-то в селе таких домов мало. Хотя место вроде хорошее.

– А дороги? Только летом, в сухую погоду, да зимой, когда грейдер из района пробьет проход, ездить и можно. Про ненастье, распутье не говорю. По селу только на тракторе и кататься. Ты на своей иномарке сейчас завязнешь. Хорошо, что по нашей улице машины почти не ходят. Гляди, какие комья наворотил гроб на колесах этого Арсения.

– Главное, что от нас дорога близко. До нее доберемся.

Петрович наклонился к соседу и спросил:

– Рома, если не секрет, откуда у тебя пистолет? С войны привез? Или не боевой?

– Да, с войны. Слышал, что иногда оружием награждают?

– Слышал.

– Вот и у меня наградной.

– Покажи!

– Это, Петрович, не игрушка. Покажу, когда трезвым будешь.

– Да я, как только этот урод Говорков объявился, вмиг протрезвел.

– Вижу, но ствол не покажу. Потом как-нибудь.

– А ты бы это, выстрелил?

– Надо было бы, выстрелил бы.

– Не знал, что ты такой… крутой, как сейчас говорят.

Николаев рассмеялся:

– Да не крутой я, обычный, только хорошо подготовлен для войны.

– Эх, вот бы Катьке такого мужика. Может, того?..

– Чего, Петрович, того?

– Ну, это, сойдетесь? Ты один, она тоже. Катька баба хорошая…

Роман не дал соседу договорить и заявил:

– Петрович, ступай-ка ты в хату, мне позвонить надо.

– Ну да, конечно, на кой черт тебе Катька. – Петрович вздохнул и прошел в дом.

Николаев достал сотовый телефон, набрал номер Седова.

Тот немедленно спросил:

– Что случилось, Рома?

– Почему сразу случилось?

– Послушай, я ведь тебя знаю. По пустякам в позднее время, да после уже состоявшегося разговора ты звонить не станешь. Выкладывай, что у тебя!

– В принципе, ерунда. Но если ты хотел привлечь меня к делу, то эти планы могут рухнуть.

– Что случилось? – повторил вопрос командир отряда.

Николаев подробно доложил о стычке с Говорковым и о том, что явилось ее причиной.

Седов выслушал его и сказал:

– Молодец, Рома! Первый день в селе и уже успел в историю попасть.

– А что мне оставалось делать?

– Ладно. Ты корочки свои этому депутату показывал?

– Нет! Только ствол. Но и этого хватит, чтобы завтра ко мне нагрянула полиция. Потому и звоню, хочу узнать, как

вести себя. Мне самому выкручиваться или ты поможешь?

– Светить тебя нельзя. Сам не выкрутишься. Если у Говоркова все в районе схвачено, то тебя замордуют. А еще хуже – раскроют. Придется решать проблему нам, причем немедленно.

– Каким образом?

– Это уже мое дело. Ты давай-ка ложись, отдыхай, да меры предосторожности прими, чтобы тебя ночью не грохнули. Утром к тебе заедет кто-нибудь из наших, в крайнем случае позвонит. Проблему мы снимем, но на будущее, Рома, убедительно тебя прошу вести себя на селе тихо, а лучше переехать в Москву. Хотя нет, туда пока рано. В общем, сиди в Шанино как мышь. Понял?

– Понял, командир!

– Давай! Нет, это же надо, в первый же вечер!.. – Седов отключил телефон.

Николаев сделал то же самое, выкурил сигарету и вошел в дом. Там все было уже убрано.

Екатерина домывала последнюю тарелку, а Петрович уламывал жену:

– Ну, мать, на посошок. Да после того, что тут произошло, стресс снять!

– Отстань, Степан. Человеку отдыхать надо.

– Много ли времени уйдет по грамульке выпить?

Марина Викторовна увидела соседа, махнула рукой и заявила:

– Как хозяин скажет.

– Рома! – обратился к нему Петрович. – Давай на посошок.

– Можно, но не больше ста граммов.

– Вот! Я что говорил? Рома, он мужчина с понятием.

Роман с Петровичем выпили, после чего Николаев проводил семью Воронцовых. Он вернулся в дом, запер на замок дверь, выходящую на крыльцо, на заднюю набросил крючок. Его легко можно было поднять извне, просунув в щель, к примеру, лезвие ножа, но не баррикадироваться же?

Даже если Говорков решит мстить, то сегодня он этого делать не станет и быков своих тоже не пришлет. Зачем ему это надо, если с утра Сеня бросит заяву в полицию и те приедут на вполне законных основаниях? Если, конечно, до этого Седой не снимет проблему. Он обещал, а слово свое командир отряда всегда держал.

Николаев зашторил окна, разделся, прикрыл заслонку печи и лег на кровать в небольшой комнатке, где без забот прошли его детство и юность. Ее окно выходило на палисадник, где стоял большой куст опавшей сирени. Пистолет он по привычке положил под подушку, накрылся одеялом и отвернулся к стене. Наконец-то Роман мог отдохнуть. День действительно выдался на редкость насыщенным, богатым событиями.

Но уснуть прапорщик не успел. Минут через десять его слух уловил какое-то шуршание во дворе. Словно кто-то

осторожно ходил там. Роман поднял голову, прислушался. Ему не померещилось, во дворе явно кто-то был, причем всего один человек.

Неужели он ошибся? Депутат все же решил подтянуть к селу верных быков и разобраться с ним сегодня, прямо сейчас, не откладывая и не прибегая к услугам полиции? Ну что ж, придется встречать гостей.

Непонятно, почему проявился один человек и со двора. Если уж брать хозяина дома, то надо внезапно налететь через двери и окна, дабы не позволить ему оказать сопротивление. А человек, который находился во дворе, чего-то выжидал. Или это контролер, который отслеживает обстановку до подхода основной банды?

Возможно и такое. В этом качестве Говорков мог оставить здесь своего телохранителя. Но опять-таки бугай, как бы аккуратно он ни действовал, создал бы больше шума. А во дворе кто-то легкий. Не сам же депутат? Ходит словно кошка. При других обстоятельствах Николаев не обратил бы внимания на этот еле слышный шорох.

Прапорщик тихо встал, быстро натянул спортивный костюм, взял пистолет, босиком неслышно прошел в сени и замер у задней двери. Теперь он точно знал, что во дворе был посторонний человек. Тот подошел вплотную к створке, прислушался и вдруг тихо постучал.

Это было настолько неожиданно, что Николаев, готовый к драке, на секунду отошел на шаг. Стук повторился. Это что-

то новое. Необычная тактика.

Прапорщик протянул руку к крючку, поднял его, рывком открыл дверь, бросился на непрошеного гостя, сбил его с ног и услышал:

– Ой, Рома?!

Только тогда Николаев увидел лицо Екатерины, которая лежала под ним, обхватив его руками за шею.

– Рома! – выдохнула она. – У меня чуть сердце не остановилось. Думала, не слышишь, хотела еще стучать, а тут ты и набросился как тигр.

– Екатерина?

– Да, Рома, я.

Она приподняла голову и, держа Николаева руками, впилась своими губами в его. Ее тело пробила дрожь.

– С ума сошла? Ведь я мог убить тебя.

– Убей, Рома, что хочешь делай, только не гони.

По земле ударили первые капли осеннего дождя, грозящего обернуться затяжным.

– Вставай, холодно. Идем в дом.

– Да, Рома, конечно.

Николаев провел женщину в комнату, включил свет, усадил ее на стул у круглого стола и спросил:

– Ты чего, Катя, надумала? Ведь разошлись же спать. Вино в голове играет?

– Не вино, Рома, от него и след простыл. Ты у меня в голове. Как только увидела тебя, внутри сразу что-то оборвалось

и разлилось теплом. Я знала тебя, но чувств особых раньше не испытывала. Да, нравился ты мне, но не более, а сегодня словно током пробило. Похоже, влюбилась я.

– Понятно, – проговорил Роман, присев напротив женщины.

– Что тебе понятно, Рома?

– Слишком устала ты от предательства, измен, унижений. Тебе показалось, что появился нормальный мужик, вот ты и поплыла. Не любовь в тебе проснулась, Катя, а желание ласки, нежной близости. Ты готова в омут с головой броситься, лишь бы хоть на мгновение получить то, что так тебе необходимо, забыть повседневные проблемы. Свою роль в данной ситуации сыграли и вино, и разборка с Арсением. Ты увидела во мне воплощение твоей мечты, вот и бросилась в омут.

– А разве те эмоции и чувства, которые ты перечислил, не есть любовь?

– Не знаю. Но думаю, что любовь это нечто большее.

Екатерина опустила руки, вздохнула и спросила:

– Значит, ко мне у тебя, кроме жалости, ничего нет? Я так и останусь для тебя капризной, гулящей бабой, которая и с мужем жить не смогла, и под урода легла ради работы, да?

– Заметь, Катя, я этого не говорил.

– Но подумал, вернее, почувствовал. Ну и ладно. – Она подняла на прапорщика глаза, полные слез. – Хорошо, Рома, считай меня кем угодно, делай что хочешь, хоть бей, только прошу, не гони. Позволь остаться, пригреть тебя. Ведь ты не

меньше меня нуждаешься в женской ласке. Я только одну ночь, даже остаток ее с тобой побуду, а потом хоть трава не расти. Выгонишь – уйду.

Рома прикурил сигарету и сказал:

– Да, загнала тебя жизнь, Екатерина. Помню, школьницей ты озорная, бойкая была. Парни за тобой хвостом ходили. О танцах не говорю, там за тебя дрались, били морды в кровь. Я в том числе. Казалось, все у тебя для счастья есть. И красота, и фигура, и ум. Прошло восемнадцать лет. Я вижу разбитую, раздавленную женщину. Тебе, Катя, встряхнуться надо, глоток свежего воздуха сделать и начать жизнь с нуля, с чистого листа.

– Так поддержи меня!

– Я же сказал, что помогу устроиться в Москве, квартиру найти. В конце концов, в моей служебной сможешь жить.

– Я не о том, Рома. Помоги мне встряхнуться, глоток свежего воздуха, как ты говоришь, сделать, почувствовать себя женщиной, а не сявкой подзаборной.

Роман видел, что Екатерина готова сорваться в истерику. К тому же и он, что скрывать, желал эту женщину. Хотя бы потому, что давно был один.

Николаев затушил окурок, подошел к Екатерине. Она встала, замерла в ожидании.

– Иди ко мне, – тихо сказал Роман и тут же попал в горячие объятия. Вскоре свет в окне его дома погас.

Петрович, наблюдавший за соседней хатой, отошел от ок-

на и доложил жене:

– Ну вот, вроде осталась.

Марина Викторовна вздохнула и заявила:

– Ни стыда ни совести у Катьки нет. Где ж это видано, чтобы баба сама мужику набивалась, да еще с таким тупым упорством?

– Ты ее не стыди, Марина. Наша дочь попала в сети этой жестокой жизни, а выпутаться сил не хватает. Вот и цепляется за соломинку, чтобы вконец не задохнуться. Не осуждай, Марина. Если бы этого не хотел, то выпроводил бы ее. Вежливо, культурно, без скандала и грубости. Но он так не сделал.

– Так и он по бабе, видать, истосковался на войне своей. Ему сейчас хоть Катька, хоть любая другая, на которой даже клейма ставить негде. Лишь бы получить свое.

Петрович вздохнул:

– А хоть и так. Пусть одна ночь, но желанная, а не мучения с Арсением. Нет, Марина, а как ловко Рома отделал быков Говоркова! Два-три удара, и бугаи на земле. А как пистолет ко лбу депутата поставил, тот так на колени и повалился. Знает Рома, как с этими подонками базар вести. Силу свою чувствует. Не понятно только, почему его хотели списать? Даже комиссовали уже, а потом кто-то из начальства, видать, слово замолвил. И опять абы за кого начальство впрягаться не станет. Значит, Ромка в авторитете на службе.

– Хватит, старый, болтать, ложись, спать осталось ничего.

Дверь в сенях погляди, а то будет Катька с ранья барабанить в окно.

– Сейчас. Перекурю, все сделаю и лягу.

– Ты самогон в сенях не ищи, спрятала я его.

– Чего?

– Хватит на сегодня.

– Эх, женщина, не понимаешь ты мужской души.

– Ну, конечно, прожив с тобой более сорока лет. Куда нам? Но все, Степан.

– Иду.

Роман на руках отнес Екатерину в спальню, раздел ее, бросил на пол одежду и одеяло, а потом сжал женщину в крепких объятиях. Почти два часа длилась практически беспрерывная любовная игра людей, истосковавшихся по близости. Наконец Роман выдохнул и лег рядом с Катериной.

Она положила голову ему на грудь и сказала:

– Хорошо-то как, Рома. Знаю, многие женщины на моем месте говорят, что раньше ничего подобного не испытывали. Мол, только ты дал мне понять, что значит настоящая близость. Я не верила, считала, что все это так, просто слова, чтобы мужчине было приятно. Оказывается, я ошибалась. Я сегодня и вправду впервые испытала такое сильное наслаждение, от которого темнело в глазах и перехватывало дыхание.

– Это, Катя, от того, что ты очень хотела близости.

– Нет, Рома. Не обижайся, но мне есть с чем и с кем сравнивать.

Николаев погладил ее волосы.

– Какие могут быть обиды? Мне тоже было очень хорошо.

– Честно?

– Я никогда не обманываю.

– Рада. А что дальше? – Екатерина подняла голову, посмотрела Николаеву в глаза.

– А дальше будем спать. – Роман улыбнулся.

– Я не об этом, а о наших дальнейших отношениях.

– И что ты хочешь услышать?

– Только не то, что получили, мол, свое и разбежались. Возможно, ты и захочешь новой встречи. Конечно, я и на это соглашусь, но…

– Катя, давай не торопить события. Поживем, как говорится, увидим.

– Значит, не сумела я зажечь в тебе искорку любви?

– Не знаю. Не хочу ни о чем думать. Но все, что обещал, в силе.

– Вольному воля. И за то, что было, спасибо.

– Зачем ты так говоришь? За что спасибо? Да и вообще, постарайся уснуть. Утром ко мне должен заехать товарищ. Или он позвонит.

– Это касается твоей службы?

– Не только ее, но и проблем с Арсением.

– Господи, я совсем забыла о нем. Боюсь, утро станет для

нас обоих безрадостным.

– Не факт, посмотрим. А сейчас, Катя, баиньки!

Николаев поднял с пола одеяло, укрыл им себя и Екатерину, обнял ее. Он приказал себе спать и сразу уснул. Екатерина же до рассвета так не смогла сомкнуть глаз. Противоречивость и неопределенность отношений с Романом, ставшим вдруг самым любимым и желанным для нее человеком, не давали ей покоя. От мыслей разболелась голова. Только к шести часам она задремала.

В семь часов их разбудил пронзительный звонок сотового телефона Николаева. Роман взял со стула мобильник, на дисплее которого светилась буква «Г». Грач? Вот кого, значит, отрядил Седой на решение проблем, связанных с ночной переделкой.

– Привет, Андрей! – заявил прапорщик.

– Привет! Не разбудил?

– Я ждал звонка.

– По голосу заметно. Короче, я на загородном шоссе, в трех километрах от поворота на Шанино. Объясни, как найти твой дом в селе и где встать так, чтобы не привлечь ненужного внимания местных жителей?

– А разговор того стоит? Может, по телефону?

– Стоит, объясняй. Я приближаюсь к повороту.

– Хорошо, как свернешь, иди до лесополосы, там, на опушке, оставь тачку. Дальше пешком, по той же дороге.

Мой дом второй справа, но зайди с огорода. Во дворе встречу тебя. Понял?

– Понял. Далеко от лесополосы до дома?

– Метров двести.

– Нормально. Значит, минут через десять буду. Ты один дома?

– Нет.

– Вот как? Уж не с той ли красавицей, из-за которой у тебя вышел конфликт с Говорковым?

– С ней.

– А ты, Бурят, время даром не теряешь. Где беседовать будем? Разговор серьезный, причем не только по депутату.

– В сарае.

– А я, идиот, надеялся, что кофейком угостишь, пирожками домашними.

– Кофе могу в термос налить и пирожков захватить.

– Не утруждай себя, обойдусь. Я у лесополосы, ищу место стоянки. Выходи.

– До встречи. – Николаев отключил телефон и начал быстро одеваться.

Катя подняла голову:

– Рома, может, мне уйти? Чего ты будешь товарища держать в сарае?

– Отдыхай. Прошу до моего возвращения из дома не выходить.

Екатерина обиженно спросила:

– Как ты мог подумать, что я буду подслушивать?

– Я говорил не об этом, просто попросил тебя не выходить из дома ни во двор, ни на улицу. Ты же хочешь узнать, что предпримет Говорков?

– Конечно!

– Вот и жди. Вернусь, объясню обстановку.

– Может, завтрак приготовить?

– Вот это можно. Но все, я пошел.

Николаев не забыл забрать из-под подушки пистолет, набросил поверх спортивного костюма осеннюю кожаную куртку и вышел во двор.

Из ворот сарая показался капитан Грачев:

– Здорово еще раз, Бурят!

– Привет, Грач!

– Так, сначала по депутату. Тебе ничего не грозит. Говорков и его бычье забудут об инциденте, произошедшем у твоего дома.

– Ты что, прессанул депутата?

– Для начала, Рома, пришлось нейтрализовать охранника и жену Говоркова, потом имитировать ликвидацию первого и угрозу устранения второй. Только после этого состоялся разговор с Говорковым. Он хоть и червь навозный, ошибка гинеколога, но сообразительный. В момент понял, что от него требуется.

Николаев улыбнулся и спросил:

– Чем же ты его застращал, Андрюха?

– Да ничем особенным. Сказал, что ты под защитой очень серьезных людей, для которых раздавить такого прыща, как он, что комара прибить. Если депутат даже только посмотрит на тебя и твою женщину, то ему отрежут уши и яйца, а затем выложат все это на прилавок его же магазина. Будет набор на холодец вместе с башкой и ластами. Видел бы ты его рожу, Рома. Описать не смогу, но подозреваю, что жене народного избранника, как она очнется, придется менять все постельное белье.

– Как насчет его крыши в районе? Ведь он, насколько мне известно, очень хорошо ладит и с главой администрации, и с начальником РОВД, и районным прокурором.

– Я его предупредил, что названные лица для очень серьезных людей, которые уважают тебя, просто дерьмо собачье. Если он захочет подставить их, то, ради бога, пусть обращается за помощью. Только очень скоро собственная крыша его же и придавит.

– Арсения не встревожило, что ты вроде как грохнул его охранника?

– Говорков думал о себе, но я же говорил, что он сообразительный. Этот фрукт заверил меня, что вообще прикроет магазин в Шанино и носа сюда казать не будет, а потом поинтересовался, что делать с трупом охранника. Я ответил, есть у меня, мол, живая вода, которая воскресит незадачливого быка. Но ее осталось очень мало, на всех не хватит. Я имел в виду тех, кто решится выступить против тебя. В об-

щем, нужный результат получен.

– Страховка?

Грачев улыбнулся:

– Конечно. Вот она. – Он показал Николаеву флеш-карту. – Мы поговорили не только о тебе, но и о различных махинациях с бюджетными средствами, в которых замешаны и глава района, и другие персоны. Говорков легко слил всех взамен на гарантию не придавать огласке информацию, выложенную им.

– Значит, будет молчать.

– Конечно. Одно плохо – твоя пассия остается без работы.

– Откуда ты узнал, что женщина, которую использовал Говорков, работала в его магазине? Я вроде Седову об этом не говорил.

– Да ты что, Бурят, так быстро забыл, как мы работаем в подобных ситуациях? Пробить Екатерину Воронцову не составило ни малейшего труда. Для этого есть дежурный по аналитическому отделу.

– Понятно.

– Теперь второе, Рома. В Москве за последний год участились случаи пропажи проституток. Полиция получила информацию, что за этим стоит некий Фрол, Фроленко Михаил Семенович. Он создал преступную группировку, которая контролирует бизнес секс-услуг, отбирает молоденьких красивых провинциальных девочек, до которых их родне дела нет, и переправляет их в бордели Европы или Азии, туда, где

лучше платят. В принципе, это не ново и, казалось бы, не имеет отношения к нашему отряду. Если бы не одно «но». Суть его состоит в том, что вместе с проститутками люди Фрола переправляют за рубеж новый наркотик под названием «эферин». Очень сильный и коварный. Специалисты наркоконтроля провели анализ этой дряни…

Николаев прервал Грачева и спросил:

– Погоди, Андрюха, а как к полиции попал этот эферин?

– Точно не знаю, но слышал, что его нашли в крови одного придурка, который под кайфом прыгнул с крыши двадцатиэтажного дома.

– Продолжай.

– Так вот, установлено, что именно Фрол поставлял новую наркоту в Европу. Эферин очень опасен и относительно дешев. Это дает ему немалое преимущество. Пока не установлено, как Фрол транспортирует наркоту, а главное, откуда он берет этот самый эферин.

– Афган пробивали?

– В первую очередь. Там ничего похожего не производят. Как и в России, в Индии, в Китае, бывших советских среднеазиатских республиках.

– Так надо взять Фрола и выбить из него всю информацию.

– Не на чем его брать. Девушки переправляются законно. Они не везут с собой наркоту.

Николаев удивленно посмотрел на Грачева и спросил:

– Как это законно? Ты же говорил, что они пропадают.

– Выяснено, что Фрол с каждой из них заключает контракт на работу за границей. Им оформляют загранпаспорта, рабочие визы. Все это выяснила полиция. Девушки уезжали под другими именами, посему поначалу и считалось, что они пропадают. Были – и нет. Но в самом этом факте нет состава преступления. Любой человек вправе поменять фамилию и имя.

– Откуда известно, что они не везут наркоту?

– Да проверяли их и на таможне, и на погранпунктах. Ничего.

– Тогда непонятно, откуда появилась уверенность в том, что эферин переплавляется одновременно с проститутками, завербованными Фролом.

Грачев покачал головой и заявил:

– Ну ты и дотошный! Ладно. Помнишь, я сказал, что впервые новый наркотик был обнаружен случайно в крови придурка, прыгнувшего с крыши многоэтажки?

– С памятью у меня пока еще, слава богу, все нормально.

– Так вот, этот придурок оказался родным братом одного из помощников Фрола. У помощника этого была любовница из числа шлюх. Его самого и брата самоубийцы, который скоропостижно скончался в самом расцвете сил от острой сердечной недостаточности у себя дома, полиции допросить не удалось. Но девку ребята из наркоконтроля взяли. Она-то и поведала о том, что Фрол отправляет за бугор не только

шлюх, но и эферин.

Николаев усмехнулся и осведомился:

– Неужели в госнаркоконтроле поверили словам проститутки?

– Конечно, не поверили бы, если бы не заключение экспертов. В крови самоубийцы найден именно эферин, а не героин, синтетик или какая-то другая дурь. Встал, естественно, вопрос, откуда он мог взять новую наркоту. Вот тут девушка рассказала, что эферин дал самоубийце его брат, любовник проститутки. Но она не знала, где он его раздобыл.

– Не вижу связи между прыжком с крыши дома под воздействием нового наркотика и переброской его за рубеж одновременно с проститутками, законно убывающими на работу в другие государства.

– Ты уже начинаешь нервировать меня, Бурят.

– Я хочу разобраться в ситуации. Ведь не просто же так ты завел со мной разговор о Фроле и его делишках!

– Не просто. Ладно. В Европе за последний год зафиксировано более двадцати смертей от употребления эферина. Он убивает быстро. Выявлены еще сотни наркоманов, подсевших на эту дрянь. Интересно, что и погибшие, и те, кто приобрел зависимость от эферина, – жители разных стран, но больших городов. Специалисты Интерпола проанализировали ситуацию. Выяснилось, что во всех городах, где люди, в основном солидные, обеспеченные мужчины, погибли от наркоты, работали девочки, отправленные людьми Фрола.

Эти барышни обслуживали тех клиентов, которые отправились на небеса.

– Почему Интерпол не задержал проституток Фрола?

– А вот в Европе, Рома, они пропали по-настоящему. Как только Интерпол начал расследование, все эти девицы попросту исчезли. Бесследно. Они не покидали стран временного пребывания.

– Ликвидация?

– Скорей всего. А теперь скажи, стали бы люди Фрола или их заграничные подельники убивать проституток, которые подсаживали бы клиентов на тот же героин? Нет. Почему? Потому, что от героина можно легко отвертеться. Типа клиент приносил. Где брал наркотик, не знаю. Во многих странах его можно раздобыть без труда. С эферином же другая ситуация. Его на улице у барыг не купишь. Клиенты могли брать новый наркотик только у проституток. Вот их и убивали, чтобы не дать полиции взять след.

– Наблюдение за другими шлюхами?

– Как ты себе это представляешь? Девушки едут на работу в Европу или, скажем, в Египет. У них на лбу не написано, чем именно они намерены там заниматься. А когда эферин попадает в поле зрения полиции, проститутка исчезает. С сутенеров спрос невелик. Да, приехала, да, работала, причем хорошо, а потом ушла на выходной и больше не появлялась. Все! Привлекут сутенера, оштрафуют или дадут условный срок. На этом нить обрывается. Впрочем, это происхо-

дит раньше, до появления полиции. Так, Рома, во всех странах, где зафиксированы случаи употребления эферина.

– Курить есть, а то я свои дома оставил? – спросил Николаев.

– Вместе с женщиной по имени Катя?

– А вот это не твое дело.

– Само собой. А курить есть.

Грачев достал пачку. Боевые товарищи прикурили.

– В общем, как я понял, решение проблемы с эферином поручено отряду, – проговорил Николаев.

– Догадливый!..

– Руководство не имеет ни малейшей информации о том, каким образом Фрол получает новый наркотик и отправляет его за рубеж. Единственная зацепка – это девочки, вербуемые Фролом. За границей эферин попадает именно к ним.

– Да.

– Какую роль в этой игре начальство отводит мне?

– Извини, Рома, но я пока имею право передать тебе только то, что без внедрения в банду Фрола нашего человека проблему не снять.

– Для внедрения выбран я.

– Так уж получилось, что самой подходящей кандидатурой на это задание являешься ты.

– Почему Седой сам не вышел на меня?

– Видимо, пока рано. Но командир это сделает. Да и не только он.

Николаев задумался и проговорил:

– Логичней было бы внедрить в банду женщину.

– На роль проститутки?

– Да, если на финальной стадии наркотрафика все сходится именно на них.

– Седой думает иначе. Ты вот что, Рома, живи пока спокойно в селе. У вас тут воздух чистый, леса, тишина. В общем, отдыхай и не ломай голову. Придет время – Седой свяжется с тобой, определит задачу либо даст отбой. На последнее рассчитывать особо не стоит. Одно обязательно!.. Будь постоянно на связи и без острой необходимости не круши село или райцентр. Начальству это не нравится. Ты знаешь, что я и сам не прочь набить морду какому-нибудь охамевшему чинуше или спекулянту. Но тебе придется сдерживать эмоции. Считай это приказом.

– Хорошо, – согласился Николаев. – Жду связи с Седым. Но ты при докладе передай командиру, что мне надо решить еще одну проблему.

– О чем речь?

– Требуется устроить на работу в Москве Екатерину Воронцову. По профессии она товаровед. По-моему, так. В общем, закончила торговое училище. Женщина способная, работящая, чистюля, не пустышка. Если требуется обучение, то без вопросов.

– Уж не собрался ли ты жениться, Бурят?

– Не собрался. Передашь Седому просьбу?

– Конечно.

– Тогда, наверное, все. Я с удовольствием предложил бы посидеть, но ты ведь откажешься, да?

Грачев вздохнул и согласился:

– Очень жаль, но вынужден буду отказаться. Да ладно, какие наши годы! Сейчас не можем, потом посидим.

– Верно.

– Ну, давай, Рома!

– Давай, Андрюха! Удачи.

– И тебе.

– Ступай.

Офицеры пожали друг другу руки. Грачев через сарай и огород пошел к лесополосе. Николаев вернулся домой.

Екатерина застелила постель, пожарила яичницу и выставила на стол полстакана водки. Она сидела на стуле, подложив, как провинившаяся школьница, руки на голые красивые колени.

– Завтрак?

– Да.

– А это что? – Николаев кивнул на стакан.

– Как что? Водка. Похмелиться-то, наверное, хочется?

– Я никогда не похмеляюсь. А вот яичницу съем с удовольствием.

Екатерина еле заметно улыбнулась. Ей было приятно, что Роман отказался от водки. Любой женщине, живущей с пьющим мужчиной, такое нравится.

Николаев позавтракал.

Екатерина спросила:

– Могу я знать, о чем ты говорил со своим товарищем?

– Он сообщил, что ни мне, ни тебе со стороны Говоркова ничего не грозит.

Женщина удивилась и поинтересовалась:

– Как это? Арсений простит то, что произошло?

– Он уже забыл о произошедшем, как и о том, что в Шанино у него когда-то был магазин, в котором работала Екатерина Воронцова. Кстати, как тебя по мужу? А то, наверное, неправильно называю?

– Правильно. После развода я взяла обратно девичью фамилию. Но ты говоришь невозможное. Говорков не из тех людей, которые прощают обиды и уж тем более отдают то, что приносит им доход.

– Ты спросила, Катя, я ответил. Нет больше в селе магазина господина Говоркова.

– А что есть?

– Здание, которое, скорей всего, совсем скоро обретет нового хозяина.

– А я?

– Ты еще вчера уволилась. Неужто забыла?

– Но…

Николаев отодвинул чашку из-под кофе.

– Спасибо, Катя, все было очень вкусно. Если ты хотела узнать насчет зарплаты, то, думаю, сегодня ты ее получишь.

– А дальше?

– Поживешь в селе, пока мои друзья не найдут тебе работу в Москве.

– Ты сказал «поживешь». Это значит, что себя ты рядом со мной не видишь?

Николаев вздохнул:

– Катя, мы уже говорили на эту тему.

– Вы с товарищем долго беседовали.

– Ну и что? Нам есть что вспомнить.

– Странно все это.

– Ничего странного. Знаешь, Катя, иди домой. А то родители ждут не дождутся, хотят узнать, что было между нами. Да и зарплату твою шестерки Арсения привезут не ко мне, а к вам. Я же пойду в лесхоз, закажу машину дров.

Екатерина посмотрела на Николаева и спросила:

– Ты рассчитываешь зимовать в селе?

– Пока нет, а там кто знает. Дрова в любом случае лишними не будут. Не бегать же каждый день по соседям. Не пригодятся мне – достанутся твоим родителям.

В сенях раздался грохот и ругань Гусева:

– Твою мать, пустое ведро! Какого хрена? Не будет теперь удачи.

Он ввалился в комнату, увидел Екатерину, улыбнулся, подмигнул товарищу и заявил:

– Доброе утро, соседушки. Вы, я смотрю, неплохо устроились. Все чин по чину, завтрак с кофе. Это после бурно про-

веденной ночи?

Екатерина поднялась, оделась и сказала:

– Пойду я, Рома. Если что, заходи.

– Хорошо.

Воронцова вышла, Гусев сел на стул и пожаловался:

– Башка, Рома, трещит, как старая телега.

Николаев кивнул на стакан:

– Водка. Выпей – полегчает.

– А больше нет?

– Мало?

– Да, не много.

– В буфете, по-моему, еще осталось.

– Это дело! – Гусев сразу повеселел, опрокинул стакан с водкой, налитой Екатериной для Николаева. – Ух! Хорошо пошла. Я закурю?

– Вчера ты не спрашивал разрешения.

– Кстати, а что вчера было? Проснулся на кровати, Ленка с Вовкой в зале. Как домой попал, не помню. А Ленка с утра сказала, хорош, мол, товарищ, оставил друга, когда тому помощь была нужна. Я и так в непонятке был, а после словно совсем в мозгах замкнуло. Какая помощь? Кому? Что приключилось-то, Рома?

– Ничего особенного. Тебя Петрович с женой домой проводили, а потом в гости наведался Говорков с охраной. За Екатериной приехал.

– Ты гляди, как чуял, собака! И что?..

– Ничего. Поговорил я с депутатом, он и уехал.

– Чтобы Арсений уехал, не забрав Катьку? Ни в жизни не поверю. Эта тварь привыкла добиваться своего. Для того он и таскает с собой вышибал.

Николаев улыбнулся:

– На этот раз у него осечка вышла. Пришлось ему сваливать без Екатерины.

– Рома, ну что ты мне гонишь? Не может быть такого.

– Ладно, Фома неверующий. Положил я в грязь его быков. Говорков остался без охраны, струхнул. Привел он в чувство своих парней и дал ходу из села.

– Не понял. Так тут что, мордобой был?

– Какой мордобой? Разминка легкая.

– После которой Арсений свалил ни с чем?

– Да.

– Тогда наливай еще и давай к обороне готовиться. Говорков приедет обязательно. Он обид не прощает. Надо бы еще кого-нибудь позвать. Леху? Нет, тот в районе. Славика? От него толку никакого, слабый. Черт, и мужиков-то нормальных нет!

– Не надо никого звать, Коля. Говорков не вернется. Ты мне лучше скажи, в лесхозе сейчас дрова купить можно?

– А чего нельзя-то? Сейчас все везде можно, если бабло в кармане шуршит. А на хрена тебе дрова? У меня этого добра полный сарай, бери сколько хочешь.

– Нет. Я же не побирушка, чтобы ходить по соседям.

– Я тебе как другу.

– Понимаю, спасибо, не надо. Съездишь со мной в лесхоз?

– Да без базара, только налей еще.

Николаев достал из буфета недопитую бутылку самогона и спросил:

– Стакана тебе хватит?

– За глаза.

– Держи.

Гусев выпил прямо из горла.

– Вот теперь порядок. А Катька никак у тебя ночевала?

Роман взглянул на друга, тот поднял ладони:

– Все понял, ночевала. Ну и ладно, холостяцкое дело такое. Да и вообще, Катька нормальная баба.

– Пойдем, откроешь ворота, а я выгоню машину.

– Идем! Для тебя все что хочешь. А Говорков точно не объявится?

– Он – нет. Придут его люди.

– Но тогда какой лесхоз? Отморозки депутата прибьют Катьку.

– Они приедут, чтобы отдать ей деньги. Расчет.

– Уверен?

– На все сто.

– Ну, гляди, тебе виднее. Все же я дождался бы, пока эти придурки не свалят в район.

– Так можно весь день прождать.

– А тебе что, дрова прямо сейчас нужны?

– Да, прямо сейчас. Едем. С Екатериной ничего не будет.

– Похоже, я чего-то не улавливаю, а ты недоговариваешь.

– Ты едешь со мной?

– Если ты уверен, что Катьке вреда не будет, то еду.

– Открывай ворота.

Вскоре Николаев вел «Ниссан» по раздолбанной щебенистой дороге, идущей к лесхозу.

Глава 3

В лесхозе инициативу в свои руки взял Гусев. Он знал многих рабочих.

В результате через полчаса Николай подошел к Роману и сообщил:

– Ну вот! Все пучком, можем сваливать. В обед придет «ЗИЛ» с лесом. С тебя три с половиной тысячи.

– Мне пойти в бухгалтерию и заплатить?

Гусев посмотрел на Николаева и заявил:

– Сдурел? Какая бухгалтерия? С водилой рассчитаешься на месте.

– Значит, леваком лес привезут?

– Рома, тебе-то какая разница! Был бы кругляш. Так он будет. Кстати, в бухгалтерии за самосвал с тебя взяли бы тысяч пять. Короче, нечего тут больше светиться, валим в село.

– Ладно, – ответил Николаев. – Едем. У вас тут всегда так?

– Как так? По-тихому договариваются?

– Да.

– Почти. С москвичей, которые недалеко дома строят, за лес вдвое дороже берут. Те платят, а чего? У них бабла много, не то что у нас, убогих.

– Понятно. Едем.

– Ты только у магазина перед поворотом на шоссе тормозни, водку возьму. Без допинга я колоть дрова не смогу.

– А с допингом всю машину переколешь?

– А что? Переколю. Не сразу, конечно, но дня за два управлюсь. Бензопилой порежу, остальное ерунда. Был бы допинг.

– А потом Ленка мне выскажет, что спаиваю мужа.

Гусев помрачнел и заявил:

– Запомни, Рома, она права голоса не имеет. Ленка лишилась его за то, что сотворила.

– Ты же простил.

– Это ничего не меняет.

– Ладно.

Николаев остановил машину у магазина. Гусев купил шесть бутылок водки, несколько банок пива.

– Это сейчас чтобы охладить трубы, – сказал он насчет такой роскоши.

– Да пей, если невтерпеж, – отмахнулся Николаев.

– А ты что, в натуре, не похмеляешься?

– Я с утра на спиртное смотреть не могу, не то что пить.

Гусев вздохнул:

– Везет тебе. А меня с утра выворачивает наизнанку и голова на куски раскалывается.

– Выводы надо делать, Коля.

– Рома, поздно, как говорится, пить боржоми, когда почки отвалились.

– А ты пробовал переболеть?

– Так и делаю. За три дня до того, как на работу в Москву

ехать. Приходится. Там с этим строго, ни капли. Если только вечерком, в вагончике пару бутылок пива для аппетита.

– Зачем же тогда в селе пьешь? Мог бы и дальше по паре бутылок пива для аппетита.

– Я, Рома, в трезвом виде с Ленкой нормально общаться не могу. Сразу вспоминаю, как она…

Николаев не дал другу договорить:

– Хватит. Не повторяйся. Тебе когда уезжать в Москву?

Гусев усмехнулся и спросил:

– Хочешь к Ленке подвалить? Она не откажет, особенно тебе.

– А как насчет того, чтобы в морду?

– Да шучу я.

– Не надо так шутить.

– Ладно. В понедельник мне ехать, Рома. Смена с тридцатого числа.

Николаев подвел машину к дому. Странно, но на улице не было никого – ни Петровича, ни других соседей.

– А где люди? – спросил Николаев.

– Черт их знает, сам не въеду. Погоди, вон Вовка мой шлындает. Почему не в школе? – Гусев вышел из автомобиля, крикнул сыну: – Вова!

Тот повернулся:

– Отец, чего тебе?

– Ты почему не в школе?

– Уроки кончились пораньше, вот и приехал.

– Мать где?

– Где и все!

– А все где? Чего тупишь-то?

– Я не туплю. Все село, считай, возле магазина собралось.

– Зачем?

– А я знаю? Мне без разницы. Но вроде люди не понимают, почему Катька не открывает его.

– Она тоже там?

– Все там! Пойду я, бать, в туалет приспичило.

– Иди. Будь дома, поможешь мне пилу смазать и заправить.

– Ладно.

Гусев повернулся к Николаеву:

– Слыхал?

– Неглухой. Мы до магазина доедем?

– Нет. По нашей улице твоя иномарка еще кое-как пройдет, а на повороте сядет. Там грязи как в болоте.

– Придется идти пешком.

– Зачем?

– Надо же узнать, по какому поводу собрался народ.

– Наши вернутся – расскажут. Чего зря грязь месить?

– Ты оставайся, я пойду.

– Настырный ты, Рома, до невозможности. Только ходить никуда не надо. Вон от церкви Петрович с теткой Мариной, Катькой и моей Ленкой идут. Кончился, видно, сбор.

– Тогда открывай ворота. Я загоню машину. А лес во дво-

ре свалим?

– Нет, перед домом. Здесь пилить и колоть сподручней.

– Только надо место для выезда оставить. Мало ли что, вдруг потребуется.

– Оставим.

Роман загнал машину во двор, прижал ее к дому, вернулся на улицу. Подошли соседи. Елена, правда, сразу направилась домой.

– Что за сбор у вас был у магазина? – спросил Николаев Петровича.

Ответила Екатерина, вышедшая вперед:

– Ой, Рома, что тут было, как вы с Гусем уехали! Прикатил юрист Говоркова, депутатский помощник Анатолий Березин. Вы его машину не встречали?

– Нет.

– Березин буквально минут через двадцать после вашего отъезда объявился и встал у нашего дома. Отец к нему. Чего, мол, надо? Тот говорит, что я ему нужна. Я вышла. А он мне конверт дает. Здесь, дескать, расчет, пересчитай деньги, и пойдем товар быстро проверим. Я, как пересчитала, так и обомлела. Говорков сорок тысяч передал. Спросила, нет ли тут ошибки. Березин говорит, что все верно. Говорков сколько должен был, столько и заплатил. Трудовую книжку отдал. Там все как положено, принята, уволена в связи с закрытием магазина. Я одна с Березиным побоялась ехать, отца взяла. Товар быстро проверили, да, можно сказать, и не смот-

рели толком. Юрист только водку и пиво пересчитал, затем закрыл магазин, забрал у меня ключи и заколотил двери. Тут народ подвалил, кто за хлебом, кто за крупой или сигаретами. А Березин людям говорит, что нет больше магазина в Шанино. По крайней мере, до тех пор, пока его не купит кто-нибудь другой. Народ и развопился. Как же без магазина? Спичек, соли, хлеба и то купить будет негде. Юрист все выслушал, сказал, что это теперь господина Говоркова не касается, и уехал. Бабы в сельсовет, звонить в администрацию района. Там сказали, что после обеда автолавка приедет. Так будет каждый день, пока новый владелец не откроет магазин. На этом люди успокоились и разошлись.

– Понятно. – Николаев кивнул, улыбнулся и заявил: – А ты, Катя, боялась, что Говорков отомстит тебе.

– Это ты его заставил заплатить мне столько денег?

– Сумму мы не обговаривали.

– С чего он так расщедрился? Раньше десять тысяч платил, да и то через месяц.

– Это, Катя, называется расчетом с возмещением материального и морального ущерба, нанесенного ранее.

– А он обратно деньги не затребует?

– Говоркова вы больше в Шанино не увидите.

– Видать, сильно напугал ты его, Рома, – воскликнул Петрович.

– Не в этом дело.

– Тогда надо бы отметить увольнение Екатерины. Как ду-

маешь, мать? – Петрович повернулся к Марине Викторовне.

– Все бы тебе пить, – сказала та. – Хватит, вчера выше головы отметили. Делами заниматься надо.

– Да какие дела, если вон тучи опять небо обкладывают? А в дождь какая работа? Только наливай и пей.

В разговор вступил Николаев:

– Сейчас, Петрович, не до пьянки. Лес к обеду привезут, надо будет пилить, колоть.

– Так я завсегда. Марина, придется тебе самогон из тайника достать, без него работа не пойдет.

– Куда тебе, Петрович? У меня уже есть работник.

– Это Гусь, что ли?

– Ты что-то имеешь против? – Гусев надвинулся на Петровича.

– Нет, втроем сподручнее будет.

– Я вам помогу дрова укладывать, – сказала Екатерина. – А потом и посидим, как дела закончим.

– Ладно, так еще можно, – согласилась Марина Викторовна.

Тучи, что обложили небо, постепенно рассеялись, дождь не пошел. Самосвал приехал, как и договаривался Гусев, в половине второго, в обед.

Мужики взялись за работу. Екатерина помогала им. Дотемна они успели управиться с половиной кругляка, сваленного в кучу.

Ужинали в доме Воронцовых. Гусев опять пил много, сна-

чала водку, потом самогон, но не пьянел, как вчера, только становился все мрачнее.

Николаев заметил это, попросил друга выйти на улицу, там угостил его сигаретой и спросил:

– Что с тобой, Коля?

– Ничего, – буркнул Гусев. – Все нормально.

– Да вижу, как нормально. Злой как черт. С чего озверел-то и на кого?

– Рома, не лезь в душу, да?! – попросил Гусев.

– Вот оно что. Ну, знаешь, друг мой хороший, если и дальше вспоминать то, что было, то лучше развестись. Не мучить ни себя, ни Ленку, ни сына.

– В своей семье я разберусь сам.

– Не получится у тебя это, Коля. Со стороны видней. Нет у тебя семьи.

Гусев неожиданно взорвался:

– Да пошел ты и все прочие тоже!.. Надо же, учителя нашлись. Обойдусь без советов. – Он развернулся, выкинул окурок и пошел к своему дому.

На крыльцо вышел Петрович:

– Чего это он, Рома?

– Никак не может пережить измену жены. И любит ее, и ненавидит. Это страшно и непереносимо больно.

– Отойдет.

– Теперь уже вряд ли. Не знаю, как ему помочь. Нет таких лекарств. Им бы с Ленкой пожить хотя бы с полгодика вдали

друг от друга, тогда, возможно, что-то и изменилось бы. Как бы Колька не натворил чего!

– Нет, Рома, не натворит. Поорет, посуду побьет, стекла на веранде расколотит. Это уже было. Но ни Ленку, ни Вовку он не тронет. Может, разок жене влепит, и все. Ленка заплачет, он и остынет. Если до того спать не завалится, выпил-то побольше, чем вчера.

– Эх, Колька! Да и Ленка тоже хороша. Чем думала, когда с сутенерами связывалась?

– Но уж точно не головой.

– Ясно чем. Бабы часто тем самым местом думают. Пойдем в хату, выпьем на посошок.

Мужики добили бутылку, Николаев встал со стула и сказал:

– Спасибо за угощение, за помощь. Пойду я.

– Ты не сомневайся, завтра все закончим, – заявил Петрович.

– Я не сомневаюсь. Еще раз спасибо, спокойной вам ночи.

– Я провожу! – Екатерина встала.

– Не надо, Катя, не в городе, – заявил Николаев. – Тут хода двадцать шагов. Не заблужусь.

Екатерина поникла:

– Ну, как скажешь.

Роман вышел на улицу, посмотрел на дом друга. Там во всех окнах горел свет, но шума слышно не было. Может, действительно ничего не будет? Пришел Гусь домой и молчком

лег спать. Дай-то бог.

Николаев прошел к себе, сел за стол в большой комнате и подумал, до чего же сложная штука жизнь. В отряде, на службе совсем другое. Там все понятно. На отстое – подготовка, на выходе – решение задач. Вообще-то, казалось бы, на гражданке должно быть еще проще. Нет утомительных тренировок, учений, риска, целей, которые надо уничтожить, пока не зацепили тебя самого. Спокойная, размеренная, в чем-то однообразная, скучная жизнь. Ан нет. На гражданке, оказывается, страсти иногда кипят похлеще, чем на войне. Там бой рано или поздно заканчивается, на гражданке же он продолжается бесконечно.

От размышлений его оторвал сигнал вызова сотового телефона. На дисплее светилась буква «С». Седой!

– Слушаю, командир, – ответил Николаев.

– Добрый вечер, Рома.

– Добрый.

– У тебя все в порядке?

– Так точно.

– Говорков?

– Грач сумел шугануть его.

– Хорошо. Как сам?

– В порядке.

– Так в пятницу можешь подъехать на базу?

– Конечно.

– Тогда жду тебя двадцать шестого числа в десять часов.

В одиннадцать должны подъехать Белоногов и Трепанов.

– Речь пойдет о деле, озвученном Грачом? – спросил Николаев.

– Да.

– Понял.

– Грачев говорил, что ты просил помочь устроить в Москве знакомую женщину?

– Так точно. Это возможно?

– Ты знаешь, Рома, ничего невозможного нет. Непросто, конечно, будет пристроить женщину, практически не имеющую образования, на приличную работу, но что-нибудь придумаем. Ты захвати копию ее паспорта и документ об окончании училища. Если есть, то и характеристики. Трудовую книжку. В общем, все, что надо для устройства на работу. Понял?

– Понял, командир.

– Тогда до встречи.

– До встречи.

В тот момент, когда Николаев отключил телефон, в комнату тихо вошла Екатерина и спросила:

– Не помешала?

Николаев положил мобильник на стол и сказал:

– Мы же простились, Катя!

Екатерина подошла, присела напротив него.

– Ты с родителями простился. С кем, если не секрет, говорил по телефону?

– С другом.

– А может, с подругой?

Николаев посмотрел ей в глаза:

– Зачем ты пришла?

– Зачем? – Екатерина подняла брови. – Разве ты не догадываешься?

– Катя, не повторяйся!

– Но нам же было хорошо. Почему не продолжить? Или ты обманывал меня? Я не дала тебе того, что ты ждал?

– Все было хорошо, Катя…

Женщина вздохнула:

– Было! Какое страшное слово. Мертвое. Так об умерших говорят. Был и никогда больше не будет. Но мы же живые, Рома!

– Ты хочешь, чтобы я стал таким же, как Говорков?

Екатерина удивилась и спросила:

– О чем ты говоришь?

– О том, Катя, что Говорков вынуждал тебя спать с ним, шантажируя работой. Получается, что я использую твои чувства для того же самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.